

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 29

1983

Джеймс ОЛДРИДЖ

ПРОЩАЙ, НЕ ТА
АМЕРИКА
(ОКОНЧАНИЕ).

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 29

Джеймс ОЛДРИДЖ

ПРОЩАЙ,
НЕ ТА АМЕРИКА

РОМАН

Перевод с английского
Т. ОРЛОВОЙ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1983

© Издательство «Правда». Библиотека «Огонек».
Перевод с английского. 1983.

Глава 7

(Окончание ¹ главы)

Эйми, может, и права, но в Кембридже Пип казался мне счастливым отцом, обожающим своего маленького сына, и уступал жене во всех возникающих между ними распрах. Складывалось такое впечатление, что он хочет уступать, а Джуди этим вовсю пользовалась. Помню, в один из первых наших визитов она заявила моей жене Айлин, что я очень хитрый англичанин и, когда работал в «Тайме», в Нью-Йорке, скрыл от всех, что я женат. Пип со стаканом коктейля в руке (к тому времени я уже научился готовить мартини) пытался меня защищать. Но Джуди сказала:

— Не лги. Ты был с ним заодно. И неизвестно, что вы там втихую делали, когда вас никто не видел.

— Мы ездили на остров Стейтенд, вот, пожалуй, все, чем мы занимались с Китом,— ответил Пип.

— Вот уж не знаю... А ваше детское заигрывание с Эйми? Пип особенно усердствовал после того, как ты уехал, Кит.

— Джуди, оставь эту тему,— сказал Пип.

— Это та самая Эйми, которую Кит обучал боксу?— спросила Айлин. Она еще с Эйми не была знакома, но обо всей истории знала.

— Та самая, моя дорогая. И чего только они не вытворяли в этом сарае, где мы держали лошадей.

— Я все об этом слышала,— сказала Айлин.— Отвратительно, правда?

Айлин подсмеивалась над Джуди. По существу, со мной она была не менее строга, чем Джуди с Пипом. Но Айлин обладала моральной силой. Она была католичкой и все непорядочное от себя отметала. Она рьяно выполняла свои житейские обязанности. Семья для нее была превыше всего, и, что бы ни говорила Джуди обо мне, она всегда находилась на моей стороне. Когда я наливал себе очередной бокал коктейля, она наклонилась ко мне и прошептала:

¹ Начало романа см. Библиотеку «Огонек» № 28, 1983.

— А ведь она злая.

И, зная, что при любых обстоятельствах Айлин открыто встанет на мою сторону, я прошептал, повторяя слова Пипа:

— Дорогая, оставь эту тему.

Видимо, этими словами определилось отношение Пипа ко всему, что говорила Джуди вообще.

Эйми рассказала мне и еще кое-что. После свадьбы, когда Джуди переехала к Пипу в Вашингтон, они жили недалеко от тетушки Фелис в одном из старых жилых домов, принадлежащих тетушке, и там же над ними поселился Террада.

— Джуди позаботилась о том, чтобы Лестер был под рукой. Она всегда хотела их обоих. И, бог мой, в Вашингтоне она имела их обоих.

По сути дела, одной из причин пребывания Пипа и Джуди в Кембридже было желание встретиться с Террадой, который приехал туда читать краткий курс лекций о послевоенной американской политике, организованный Гарвардом для студентов-выпускников.

Лестер, видимо, хотел занять какой-либо академический пост, как, впрочем, и сам Пип. Не знаю, что побудило Лестера принять такое решение,— возможно, его биография. Пип же был очень расстроен смертью Рузвельта, а с президентом Трумэнном он, судя по всему, не смог установить контакта, и он искал себе отдушину. Оба находились в той сложной стадии между войной и миром — с одной лишь разницей: Пипа угнетала атмосфера Вашингтона, тогда как Террада был в полной боевой форме и шагал в торжественном марше в ногу с новой трумэновской администрацией.

Естественно, я встречался и разговаривал с Лестером в Кембридже, и даже наши короткие встречи должны были подготовить меня к последующим событиям. Но в будущее я тогда не заглядывал. То время явилось для меня приятной передышкой. Ведь все мы были еще молоды. И все молодые: я и Айлин, Пип и Джуди, Эйми и ее морской летчик Джек. Война окончилась. И казалось, что перед нами вдруг открывалась вся жизнь. Будущее наше напоминало строительство мощеной дороги, когда каждый день укладывается камень за камнем на пути, который куда-то нас должен был вывести. Я радовался этой передышке, радовалась со мной и Айлин.

Но Айлин по натуре была человеком осторожным и недоверчивым. Она не могла подружиться с Джуди и Террадой. Она ладила с Эйми и Пипом. Я же ладил со всеми и даже с Джеком, мужем Эйми, который, очевидно, чувствовал себя нормально лишь в кают-компании. Джек по-прежнему носил короткую прическу, его по-детски наивные глаза всегда будто что-то искали, и казалось, что он был лишним среди нас. Почти каждая фраза его начиналась с восклица-

ния: «Эй, вы, ребята!» Наверное, потому, что ему хотелось быть среди своих ребят. Возможно, сам он этого и не сознавал. Из-за этого он мне и нравился. Но стоило ему заговорить с Эйми, как сразу появлялась какая-то отчужденность, как будто семейная жизнь их ровно ничего не значила и не шла ни в какое сравнение с его бывшей нормальной флотской жизнью.

Сами того не сознавая, мы являли собой маленькое подобие кембриджского общества, и именно там я начал ощущать первые признаки предстоящего раскола Америки. Того самого раскола, который приведет Пипа и Лестера в противоположные лагеря. Уже тогда стало ясно, что американской политикой и делами станут управлять такие люди, как Лестер, а чудачки и идеалисты, подобные Пипу, окажутся за бортом. Но мы не могли предвидеть масштабы этого раскола и насколько жестокой будет расправа с побежденными. Я думаю, что Пип понимал, какие времена приходят, и в знак протеста он как бы бравировал своим поведением. Это был его личный протест против того, что творилось. В конечном итоге этого оказалось недостаточно для его собственного ниспровержения.

Глава 8

Лестер принадлежал к числу тех американцев, которые явились порождением так называемого американского века. Первый признак раскола между ними, как я заметил, проявился не столько в их спорах, а в том, как они отнеслись к преследованию профессора Ф. О. Маттисена, дело которого тогда послужило сигналом для начала «охоты за ведьмами», а через несколько лет и причиной самоубийства самого профессора.

Я мало знал этого ученого. Он был маститым профессором кафедры английского языка и литературы в Гарварде, а я — безвестным молодым пришельцем. Но Пип и Террада знали его хорошо. Для меня вся эта история началась в тот день, когда я работал у профессора Теодора Спенсера в одной из двух маленьких пыльных комнат напротив гарвардских главных ворот. Комнаты эти были расположены на втором этаже, над магазином готовой одежды, и здесь профессор давал консультации своим студентам.

Тэд Спенсер предоставил мне возможность пользоваться своим кабинетом, и я сидел задумчиво у окна, когда услышал из соседней комнаты взволнованный голос одного из студентов. Он говорил Спенсеру:

— Слушайте, профессор, неужели правду говорят, что Маттисен коммунист? Вернее, что он дает всему марксистскую трактовку? Я хочу знать, верно или неверно то, что он говорит о Драйзере. Мне бы хотелось знать, прежде чем перейти на курс его лекций.

Мне было интересно, что ответит Тэд. Спенсер сам занимался эпохой королевы Елизаветы. Но вообще-то он был другом всех поэтов и писателей, независимо от их политических взглядов. Он только что возвратился из Флориды, куда был послан министерством юстиции для вынесения окончательного решения по вопросу о том, находится ли Эзра Паунд в здравом уме. Паунд обвинялся в предательстве и под строгим конвоем был доставлен в Америку. Во время войны Паунд находился в Италии и выступал в радиопередачах, прославляющих итальянских фашистов.

— Эзра сейчас абсолютно в том же самом состоянии ума, в каком он был всегда. Это говорит о многом, поскольку сам он никогда не претендовал на то, что обладает хотя бы крупницей здравого смысла. И если он в свою защиту хочет выдвинуть свою умственную неполноценность, то я его поддержу,— говорил Спенсер.

И это сказано в отношении Эзры Паунда, который обвинялся в том, что он фашист. Поэтому мне было интересно узнать, что Спенсер скажет о Маттисене, которого обвиняли в том, что он марксист, а следовательно, коммунист и личность, представляющая опасность.

— Меня бесполезно расспрашивать о моем коллеге профессоре,— услышал я ровный голос Спенсера.— Я могу вам давать советы только о своем собственном курсе. И больше мне подобных вопросов не задавайте.

— Да, но я просто думал, что вы можете хотя бы подсказать...

— Никаких подсказок, никаких комментариев, никаких советов. Вам самому придется решать вопрос о лекциях профессора Маттисена.

Меня не удивил этот разговор, потому что Гарвард тогда был переполнен молодыми полузрелыми людьми, хотя они и были вполне сформировавшимися солдатами. Они заполняли все кафе и вели возбужденные разговоры о жизни; вопрос стоял об их будущем, и они не хотели ошибиться в выборе направления для своего дальнейшего интеллектуального развития. Но директивы, исходящие в этом отношении от руководства, представляли собой нечто иное. Для тех, кто задумывался об этом, дело Маттисена означало значительно больше, нежели тревога о неопределенном будущем тысяч молодых голодных людей. Для тех из нас, кто знал профессора Маттисена, этого мягкого тщедушного человека, настоящего ученого и убежденного педагога, мысль о том, что он может оказывать опасное влияние, казалась не только неправдоподобной, но жестокой и глупой. Слухи

же эти распространялись. А откуда это пошло и что происходило — понять было трудно. Сам Маттисен смутно понимал, что на него ведется атака. Студенты это знали, не говоря уж о Пипе и Терраде.

Может быть, из этого ничего бы и не произошло, кроме их обычного спора, если бы Пип не встал в позу. Был конец недели. Пип и Джуди приехали в Бостон встретиться с одним издателем, который хотел, чтобы Пип написал книгу о политике Америки в отношении Китая. Мне кажется, Пип все-таки хотел, чтобы с ним считались в кругах гарвардской аристократии. Во всяком случае, он останавливался всегда у одного профессора с кафедры восточных языков, жившего на Линнеан-стрит, через несколько домов от нас. Что делал на этот раз Лестер в Кембридже, я не знаю. Он всегда появлялся с важным, я бы сказал, загадочным видом, будто между ним и профессорско-преподавательским составом Гарварда существовала какая-то полутайная связь, сущность которой обсуждать не следовало, — не в пример Пипу, который всегда делал что-то обыденное и простое, едва ли заслуживавшее внимания.

Айлин приготовила один из своих великолепных ужинов — великолепных потому, что мы не могли устоять перед обилием продуктов, которые увидели в Америке после недоедания в годы войны у себя дома. Она была большой любительницей стряпать, а Пип и Террада были большими любителями поесть. Поэтому они набросились на стол с двух концов, будто хотели разом все уничтожить. «Повар» был доволен, а мы сидели счастливые, хотя на улице разыгралась снежная буря с грозой, и мы, подбежав к окну, видели, как огненный шар взметнулся от здания школы напротив.

Вопрос о Ф. О. Маттисене был затронут наряду с другими проблемами, касающимися Гарварда. В их числе — местные сплетни, соперничество между преподавателями и вопросы политики, проводимой нашим руководством. Пип сказал, что его издатель знал о долголетнем интересе Маттисена к творчеству Драйзера и хотел переманить его к себе, с тем чтобы опубликовать его работу.

— Только сумасшедшие могут это сделать, — сказал Лестер.

— Почему? — удивился Пип.

— Потому что Маттисен стал копией Драйзера. И сам в этом признается. Его позиция явно отразится на цвете книги и дискредитирует самого профессора.

— Но, бог мой, почему же это должно его дискредитировать? — настаивал Пип.

— Драйзер был коммунистом, — сказал Террада.

— Ну и что же?

— А то, что Матти является преподавателем, Пип. Он должен вести себя с большой ответственностью.

— А в чем дело, разве он плохой преподаватель?

— Дело не в этом.

— Ой, ой и еще раз ой! — произнес Пип. — В чем же дело?

— Матти в плену своих политических убеждений слишком далеко заходит. Он должен держаться вне политики.

— Держаться вне политики — тоже своего рода политика. Суть дела от этого не меняется.

— Но здесь на карту поставлены основные наши принципы, — взревел Террада. — Причем принципы академического характера.

— Какие это академические принципы?

— Должен быть какой-то предел для преподавательской деятельности, чтобы она не выходила за рамки того, что им поручено делать, то есть учить, — пробормотал Террада. Весь его вид выражал какую-то озабоченность и тревогу. Он стал очень серьезным.

— Это самая чудовищная вещь из всего, что я слышал со времен процесса Скопса, начавшего преподавать эволюционную теорию в школе, — сказал Пип. — О каких пределах ты говоришь? Кто должен определять эти пределы? Это не соответствует демократическим принципам, это не по-американски, Лестер.

— Не говори глупости, Пип, — вмешалась Джуди. — Лестер прав, Матти должен вести себя осторожнее. Это и все, что хочет сказать Лестер.

— Чтобы нападать на Матти, нужны более веские доводы, — холодно произнес Пип.

До сих пор спор носил более или менее академический характер, если пользоваться языком метафор. Мы провели хороший вечер. Айлин была очень любезна с Джуди, и Джуди, несмотря на все старания, так и не удалось вступить в схватку с Айлин, тонкая кожа которой становилась непробиваемой, как только кто-то пытался уязвить ее.

Несколько дней спустя совершенно случайно Пип, Террада и я встретились в Гарвардском клубе. Я обедал с Тэдом Спенсером, поглощая бифштекс из конины больше из-за бравады, чем из-за того, что это мне нравилось, а Пип и Террада обедали отдельно, но потом присоединились к нам. Мы поговорили о профессорах, сторонниках политики «нового курса», которые в свое время поспешили в Вашингтон на помощь Рузвельту, а теперь потихоньку возвращались в колледжи. Тут Пип сказал:

— Смотрите, вон там за столом в одиночестве сидит Матти. Не пригласить ли его к нам?

Это звучало не как вопрос, а как предложение. Тут меня удивил Террада, который откинулся на спинку стула и сказал:

— Я бы не стал этого делать на твоём месте.

Пип тоже удивился:

— Что ты, собственно, хочешь этим сказать? — спросил он Терраду.

— Я просто не хочу с ним обедать — вот и все.

— Ты хочешь сказать, что находишься на государственной службе и не желаешь, чтобы тебя видели в его обществе?

— О'кэй, я действительно нахожусь на государственной службе и не хочу, чтобы меня видели с ним. Да и тебе не следует.

— Христа ради, — воскликнул Пип, взяв в руки тарелку и отодвинув свой стул. — Если мы не можем пригласить его к себе, то я пойду к нему.

Я пришел обедать со Спенсером и ждал, как поступит он. Он не тронулся с места. Его этот разговор не касался, и он спокойно мог оставаться в стороне. Лестер, Спенсер и я закончили обед с несколько испорченным настроением. Уходя, Лестер прошел мимо Пипа и Матти, не сказав им ни слова. Спенсер поздоровался с Матти и перебросился несколькими словами, а я подсел к ним, чтобы выпить еще чашку кофе.

Я не знаю, понимал ли Маттисен, что происходит. Он был человек тихий и вежливо слушал Пипа, говорившего о том, что род Анны Болейн оказал серьезное влияние на Англию времен Тюдоров.

— У нас совершенно недооценивают влияния рода Болейн при дворе Генриха Восьмого, — говорил Пип. — Они хотели абсолютной неконформистской реформы церкви и государства, и если бы Анна прожила подольше, то реформация в Англии была бы более радикальной, за что, собственно, Генрих и отрубил ей голову. Он сам не хотел заходить так далеко.

— Реформация не могла зайти дальше в те времена, — говорил Маттисен. — В конце концов понадобилось еще сто лет, чтобы народная оппозиция проявила себя в Англии.

— Потому что у нее не было ни конкретной цели, ни руководства, — ответил Пип, — что тайком и хотели создать Болейны.

Они продолжали разговаривать, пока не остыл кофе. Потом мы попрощались с Матти, и когда шли через площадь, покрытую голубоватым снегом, Пип со злостью сказал:

— Интересно, почему эти подлецы так боятся Матти. Он ведь даже не марксист, черт возьми. Что, впрочем, тоже не должно играть никакой роли. Все, в чем заинтересован Матти, — это в доброй старой американской традиции, допускающей наличие социальной критики в романах. И если они пытаются его подловить на этом, Кит, бог знает, чем все кончится. В один прекрасный день нас начнут сажать за решетку за чтение Джека Лондона и даже за Марка Твена.

— Ну, не так все страшно, — сказал я, подбадривая его. — По крайней мере пока еще.

— Не будь так чертовски уверен,— мрачно сказал Пип.— Чем больше я нахожусь в Вашингтоне, тем мне становится страшнее. Я думал, в колледжах атмосфера лучше. Но, судя по всему, здесь идет тот же самый процесс, и это пугает меня еще больше.

— Авторитеты всегда находятся под угрозой,— сказал я, пожал плечами.

— Да...— сказал Пип.— Со стороны таких, как Лестер.

Казалось, этот инцидент не очень повлиял на их отношения. Весь ноябрь и декабрь мы виделись с Джуди, и с Пипом, и с Террадой, когда они приезжали в Кембридж. А один раз мы поехали в Вашингтон и остановились в гостинице, принадлежащей тетушке Фелис, недалеко от квартала, где они жили. У нас с Айлин тогда еще не было детей. И мы много возились с маленьким Лестером, который был молчалив и недружелюбен. Ничем не похож на Пипа, за исключением его редко мигающих глаз.

— Когда он вырастет, то будет похож на Лестера,— сказала Айлин.— Такой же напыщенный.

Айлин трезво оценивала всех троих и пыталась меня убедить, что все они больше похожи на соперников, чем на друзей.

— Глупости,— отвечал я.— Они только кажутся несколькими странными (конечно, речь шла не о внешнем их виде), потому что между ними стоит Джуди. А Пип и Террада ведут себя так, будто ее и не существует.

— Ты глубоко ошибаешься,— сказала она.— Именно Джуди и держит их вместе. Она повозка, а они две лошади в одной упряжке.

— Не суди их строго, ведь они все-таки мои друзья.

— Тогда не сентиментальничай по их поводу,— отвечала Айлин.— Пип прекрасно знает, что происходит, но ничего, кажется, не может изменить.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Он знает, что он лошадь в упряжке,— сказала Айлин.

— Он вовсе не ведет себя, как лошадь.

— Ведет, и еще как. Он идет туда, куда направляет его Джуди. Он приятный человек, Кит, но характер у него слабый.

— Ну, а как насчет Лестера?

— С Лестером та же самая история.

— В таком случае это две слабые лошади, пытающиеся бежать в разных направлениях,— подчеркнул я.

— О, Пип иногда выходит на свою собственную дорожку. Но Джуди тут же возвращает его обратно. Эйми мне говорила, что когда он один, то это совсем другой человек. Но я без Джуди и Лестера его никогда не видела. Так что не могу судить. Возможно, она и права.

Тут я и сам вспомнил, что больше пяти минут я Пипа одного никогда не видел. Я рассказал Айлин о том, что произошло в Гарвардском клубе. На нее это произвело значительно меньше впечатление, чем на меня. Фактически я стал смотреть на эту троицу подозрительным взглядом зеленых глаз Айлин, и мне было жалко Пипа. Лишь изредка становился он вновь пронизательным аналитиком, демонстрирующим свою удивительную способность проникать в глубь вещей. Айлин сказала:

— Посмотри на его глаза. В них печаль.

И действительно, это так и было. Возможно, такое ощущение появилось потому, что Пип замкнулся в себе. Он, должно быть, сознательно низвел себя до такого положения, чтобы не выделяться ничем среди людей своего круга. Он носил тонкие галстуки и брючки дудочкой, и этого Пипа можно было представить сидящим в своем вашингтонском кабинете, просматривающим разные документы, составляющим отчеты и обедающим со своими коллегами, держа свое мнение всегда при себе, как и положено любому добропорядочному правительственному служащему. Но время от времени он прорывался и тогда рассказывал обо всем этом с налетом легкой издевки.

— Старина Кит, — сказал он мне тихо, когда мы шли в пятидесяти метрах позади Айлин, Джуди и Лестера по Линнеан-стрит. — Твоя беда в том, что ты говоришь мало. Тебе следует взять пример с Лестера, которого ты только что слышал.

Лестер говорил нам за обедом о том, что Соединенные Штаты не только будут сохранять свои войска в Европе, но должны оставаться там по крайней мере пятьдесят лет, и не просто для того, чтобы сдерживать распространение коммунизма, но и чтобы ослабевшая Европа могла опереться на этот моральный хребет, который сама она уже утратила.

— Я ожидал, что именно ты вступишь с ним в спор, — сказал я Пипу. — В конце концов, ты работаешь с правительством, ты эксперт.

— Не будь таким дьявольским циником, — сказал мне Пип со своей обычной старой манерой подкалывать. — Все, что тебе следовало бы сделать, — это напомнить о тех днях, когда он выступал так решительно за то, чтобы Соединенные Штаты держались подальше от Европы. По существу, подальше от всего.

— Почему же ты ему не напомнил об этом?

— Я больше никому и ни о чем не напоминаю.

— Почему же?

— Семейное счастье, Кит, зависит иногда от плохой памяти.

Это было единственный раз, когда он как-то коснулся вопроса о своей супружеской жизни, и я не стал его расспрашивать, ибо не

хотел нарушать собственный принцип — знай лишь свое дело. Я понимал, что если бы он хотел мне что сказать, то сказал бы.

Все это было верно и в отношении его работы в Вашингтоне. Он никогда о ней не говорил, за исключением одного случая, когда мы наконец остались одни в Устричном баре. Он сказал мне, что собирается в Китай после рождества и, по-видимому, это будет его последняя поездка по заданию правительства.

Когда я спросил его, почему, он ответил:

— Потому что я не знаю, будут ли у меня вообще еще задания. Ты не можешь разрабатывать политику исходя из того, что есть. По крайней мере не в эти дни. Американская политика в отношении Китая находится в маленьких жирных руках китайского лобби в конгрессе, которое стоит за генералиссимуса Чан Кай-ши. И весьма скоро все это попадет в руки Комиссии по антиамериканской деятельности. Так что просто не остается места для тех, кто в действительности знает, что происходит в Китае.

— Но что именно происходит в Китае, Пип? — спросил я. — Ты никогда не рассказываешь об этом.

— Коммунисты наступают. Что еще?

— Не тебе ли надлежит попытаться их остановить?

Пип засмеялся.

— Никто их не остановит. Китай вот-вот будет перепахан заново. Пять столетий коррупции и отчаяния должны быть погребены, и если у нас еще сохранился здравый смысл, мы с этим должны смириться как с неизбежным, вместо того чтобы слушать этих глупых мерзавцев в конгрессе и правительстве. Они готовы поддерживать кого угодно, самых продажных деятелей, лишь бы они ненавидели красных. Это глупая политика, Кит, и кончится она лишь грязной войной, которая может вспыхнуть где угодно. Это неизбежно. Поэтому я хочу выйти из игры до того, как это случится.

— Фактически ты уходишь в отставку?

— Да. Но не говори об этом Джуди. Я ей пока еще не сообщил.

— А Лестер? Он знает?

Пип, как мне показалось, заколебался. Он немного замедлил шаг, потом широко развел руками — либо хотел расправить грудь, либо согреться. Холода он не терпел, был слишком худым, чтобы его сносить.

— Мы с Лестером в последнее время стараемся не затрагивать вопросов, касающихся убеждений, — сказал он.

— Чертовски трудное положение, — промолвил я.

Пип немного придержал меня, потому что мы стали догонять остальных.

— Минуту, Кит. Я хочу тебе кое-что рассказать.

Мы немного постояли на тротуаре. Потом Пип взял меня под руку, и мы тихо пошли, чтобы разговор наш не выглядел слишком личным и слишком осмотрительным.

— Я не хочу подвергать свою дружбу с Лестером трудным испытаниям, — серьезно произнес он. — Поэтому не задавай мне на эту тему слишком много вопросов.

— Хорошо, — сказал я и извинился за свое любопытство.

— Нет, дело не в этом, — сказал он. — Я сейчас не хочу ни из чего делать проблемы, особенно когда это касается меня самого. Во всяком случае, не хочу осложнять отношения с Лестером. Очень скоро такие люди, как я, смогут рассчитывать только на дружбу, и я не хочу слишком нажимать на Лестера.

— Я понимаю.

— Не знаю, понимаешь или нет, только я мало что могу сделать в этой ситуации, — сказал он, но дальше не стал продолжать, так как мы совсем близко подошли к остальным.

Когда мы уже возвращались ночью домой с Айлин, державшей меня под руку, я вновь задумался над этой странной дружбой, над тем, сколько вложил в нее Пип и в какой степени он может на нее рассчитывать. Это все еще было загадкой, ибо Пип всегда относился к этой дружбе, как к своему долгу: будто он был должен Лестеру Терраде что-то такое, что оправдывало проявляемые Пипом терпимость и понимание.

Но что это было такое?

По-моему, в тот вечер я понял, что никогда до конца этого не узнаю, хотя в одном вопросе был уверен: Пип хотел, чтобы все эти Террады великой республики знали, что они все-таки унаследовали и кем они являются на самом деле, чтобы они не были бледными копиями двухсот колониальных английских революционеров, а людьми со своей судьбой и биографией, которая начинается с них самих. И не им вспоминать о тех поселенцах-фермерах в далекой лесной глуши с необъятными просторами, которые этим поселенцам предстояло еще осваивать.

Ну, хорошо, говорил я себе, все это понятно. Но что же будет теперь, когда на Пипа действительно насаждают? Зачем он сейчас так заботится о дружбе с Лестером? Неужели он всерьез верит, что она того стоит?

Этого я не знал, но об одном я забыл — ведь я тоже был его другом. Эйми напомнила мне, что я Пипу тоже нужен, о чем, впрочем, знал и я сам, но никогда об этом не задумывался.

— Ты ведь не американец, Кит, — сказала она. — И Пип считает, что это спасет тебя от беды. Вернее, он думает, что скоро любой его близкий друг будет обвинен в чем-нибудь ужасном. Мне кажется, он сошел с ума. Он все преувеличивает. Но на днях он мне сказал, что ты

один из немногих людей, кто знает, о чем он, Пип, говорит. И не страшится до смерти, как другие, взглянуть в лицо обстоятельствам. Я не понимаю, о чем он говорит. Но ему сейчас такой человек, как ты, необходим. Так почему же тебе не остаться здесь и не принять американское гражданство?

Я обедал с Эйми в Устричном баре и сообщил ей, что через три недели возвращаюсь в Англию.

— Я свои дела здесь закончил, — сказал я. — Остаться дольше нет причин, как и становиться американским гражданином.

— А почему нет? Что плохого в том, что ты станешь американским гражданином?

— Ничего. Кроме того, что я англичанин, Эйми, — вот и все.

— Но мне бы хотелось, чтобы ты остался.

— Почему ты так волнуешься? — спросил я ее. — Пип в полном порядке.

— Да, я знаю. Но меня не покидает дурацкое чувство, что ему понадобится искренний друг.

Я сказал, что мне это тоже известно. Но ничего с ним не случится, Джуди за ним присмотрит. Я хотел подзадорить Эйми, зная ее отношение к Джуди. Но Эйми не среагировала.

— Как ты можешь есть такую дрянь? — спросила она меня, резко отодвинув от себя тарелку с рыбным супом. Я же сказал, что вкуснее этого рыбного супа ничего не ел.

— Ну, ладно. Я все равно начала толстеть после того, как перестала заниматься верховой ездой. И вообще это кошмарная забегаловка, Кит. Почему ты сюда ходишь? А что касается нас, включая и Джуди, и Пипа, и меня, то ты же хорошо знаешь, что все у нас идет не так, как надо. Мы сидим не там, где надо, и ничего больше не изменится. Так что не говори мне о Джуди и Пипе. Я ненавижу Джуди, и она меня тоже, и не дай бог, если Пип когда-либо действительно рискнет рассчитывать на ее помощь.

Я тогда пожалел, что решил подразнить ее. И память о нашем прощании всегда омрачалась этой моей маленькой провокацией, потому что я забыл о положении самой Эйми и думал только о Пипе, Джуди и их проблемах.

Глава 9

Пип не любил писать письма. Да и я тоже. Так что наши корреспонденции представляли собой короткие шуточные отписки, в которых мы сообщали самые основные сведения о работе, семье, а также обменивались критическими комментариями по поводу

обстановки в мире. О себе же почти ничего не сообщали. Но, несмотря на это, я знал, что происходило с Пипом, потому что я знал, что происходит с Америкой. Я мог прочитать об этом каждый день в газетах.

Пип писал, что он покинул Вашингтон после своей последней поездки в Китай и что он сосредоточился сейчас на завершении книги об американской политике в отношении Китая. Он поселился в маленьком беленьком домике в Бруклине, в штате Массачусетс, и довольно регулярно выступал с лекциями по китайскому вопросу и тихоокеанской политике в различных университетах: Дартмуте, Чикаго, Южной Калифорнии, Колумбии, Принстоне, Гарварде и, конечно, в своей альма-матер — Пеле и в других. Это продолжалось около года. Потом он сообщил мне, что четыре из пяти университетов заявили, что не нуждаются в нем, а три потребовали, чтобы он подписал декларацию о том, что он не коммунист и не поддерживал коммунистов в Китае.

Пип отказался.

«Я же знаю, кем я являюсь, — сообщил он. — И я не коммунист. Но когда они заставляют вас клясться, тот вы или не тот, — это уже конец».

Он заявил, что не сделает этого. В постскрипуме он добавил, что это осложнило его отношения с Лестером, который не только сам подписал аналогичную декларацию, но и утверждал, что это — необходимое требование для всех людей, занимающих общественные посты.

Удивительно, но Пип еще искал извинения для Лестера. «Он все еще находится на административном посту, так что у него нет другого выбора, — писал он. — Но одного он не может понять — ведь эти самообличения, эти клятвы в верности противоречат дюжине статей нашей Конституции, за которую Лестер так ратует. А когда я подчеркиваю, что он ссылается на Конституцию, когда ему выгодно, и забывает про нее, когда она входит в противоречие с его понятиями, он бесится. Он думает, что я играю на руку коммунистам. И вот тогда я прихожу в отчаяние, Кит. Ты читал о том, что здесь происходит. Но что бы ты ни читал, на самом деле все гораздо хуже, чем ты думаешь».

То, что я читал, были ежедневные сообщения из Кореи о ходе военных действий и ежедневные сообщения из Нью-Йорка об охоте за коммунистами во всех углах американской жизни. Два месяца спустя Пип прислал маленькую грустную записку, где известил, что он и Оуэн Лэттимер (другой эксперт по вопросам тихоокеанской политики) подвергаются нападкам в различных комиссиях и подкомиссиях конгресса.

«Даже бойскауты обвиняются в коммунизме, — писал он. — Так что никто не избежит своей участи. Комиссии Маккарти и Маккарэна жаждут американской крови, они охотятся (и если могут, сажая в тюрьмы) за актерами, писателями, учителями, журналистами, священниками и всеми другими из старой рузвельтовской когорты, которых они хотят пригвоздить к позорному столбу. Истерия, Кит, стала нормой американской жизни».

Я написал в ответ Пипу, что нечто подобное происходит и здесь, хотя в Европе симптомы менее опасны. Я добавил, что в Англии будет лучше, и было бы разумнее упаковать чемоданы и перебраться всем сюда. Мы с Айлин как-нибудь их бы устроили.

Ответа на мое предложение не последовало, и я понял, что до него добрались. Из «Тайма» я узнал, что Филипп Ловелл, бывший советник Рузвельта по китайским вопросам, был обвинен Лестером Террадой, тоже советником рузвельтовской администрации, в том, что он коммунистический агент. Более подробных сведений не приводилось: там просто было сказано, что, выступая свидетелем в сенатской подкомиссии по совершенно другому вопросу, Террада назвал Ловелла в числе тех ответственных лиц, которые якобы оказывали влияние на тихоокеанскую политику Рузвельта и склоняли его в пользу китайских коммунистов, что прямо противоречило интересам Соединенных Штатов.

— Не могу поверить, — сказал я с недоумением Айлин, прочитав сообщение вслух за завтраком. — Я просто не могу этому поверить.

— Значит, ты или наивен, или просто глуп, — сказала Айлин. — Я удивляюсь, почему это не случилось еще раньше.

— Ну, знаешь ли...

Я понимал, в какую беду попал Пип, и написал ему вновь, предложив перебраться сюда. А через месяц получил от него письмо с рассказом о том, что произошло.

«Бесполезно писать об этом нормально и вразумительно, — говорилось в нем. — Я не в том состоянии сейчас и, судя по всему, не скоро приду в норму. Так что не ожидай от меня слишком многого. Я сижу в комнате в отеле тетушки Филлис, в Вашингтоне, пытаюсь разобраться, что со мной произошло. Ты хочешь знать, как мог Лестер это сделать? Я скажу тебе, Кит. Этот глупый мерзавец сам себя загнал в западню и выбраться из нее он мог, лишь предав меня».

— Вот опять он начинает то же самое, — сказал я Айлин. — Ищет оправдания для Лестера.

Я продолжал читать дальше.

«Ты знаешь, как обстояли дела до того, как ты уехал? — читал я. — Ни Лестер, ни я уже не искали в наших спорах и дискуссиях ответов на какие-либо вопросы. Мы просто провозглашали свои позиции — так

выражаются в Вашингтоне, когда нужно выбирать чью-либо сторону, хотя тебе это совершенно безразлично. Но я не думал, что он может так поступить. Они схватили его за горло, зная о его поездке в Россию в молодые годы и что он когда-то был коммунистом. Для членов Комиссии это был лакомый кусок, тем более что Лестер еще находился на государственной службе. Таким образом, у него было два варианта — либо доказать свою лояльность и предать меня, либо самому встать к стенке».

— Вполне понятно, что он выбрал, — пробормотал я.

«Ты знаешь, что заявил Лестер, прочитав мою книгу, Кит? Он сказал: «Ты изменил Америке, Пип, потому, что твоя книга — чистейшая коммунистическая пропаганда, и кто-то должен тебя наставить на путь истинный». У нас произошла грандиозная ссора, и ты можешь представить, в каком он был состоянии, когда давал показания в сенатской комиссии. И все же я не ожидал, что он станет говорить обо мне, хотя они и задавали ему прямые вопросы и даже мое имя называлось двумя профессиональными осведомителями в комиссии Маккарэна. Но что же сделал этот негодяй Лестер! Он сообщил им, что лично знает о моих убеждениях, и они вызвали его, и сейчас собираются выудить из него значительно больше сведений. А это значит, что или он должен отказаться от всего, что говорил обо мне, или продолжать доказывать мою виновность. И тебе не составляет труда угадать, Кит, что он сделает. Ведь он только начал свои доносы».

После этого снова последовало долгое молчание. Я понимал, что у него слишком много забот, чтобы отвечать на мои письма, но из английских газет я знал, что после первых обвинений в адрес Пипа, как и следовало предполагать, Террада выплеснул сплошной поток изобличающих воспоминаний.

День за днем Террада вспоминал все доводы Пипа в их бесконечных спорах. Он вспомнил каждый случай, когда Пип высказывал, по его мнению, антиамериканские взгляды. Пять лет дружбы с Пипом превратились в пять лет для сбора свидетельских показаний против него, и самым криминальным из всего оказались его высказывания по поводу мифов об Эндриу Джексоне и «презрительное отношение» Пипа к отцам — основателям республики и к Конституции США. Пип был обличен не только как сторонник китайского коммунизма, но за время семидневных показаний Террада ухитрился изобразить его человеком, беззаветно преданным своей подрывной философии и своему опасному политическому курсу.

Поэтому он, Террада, вынужден был в конце концов заявить, что годы их дружбы с его стороны объяснялись лишь стремлением противостоять тому ущербу, который могли бы нанести эти опасные идеи, если им дать возможность распространяться беспрепятственно.

Террада боролся против его идей, пока не понял, что это бесполезно. Так что теперь он вверяет эту проблему сенатской комиссии в надежде, что им удастся сделать то, что не удалось ему. И Террада заявил в своей последней речи, что он дает здесь показания не только ради блага Америки, но и ради самого Филиппа Ловелла и ему подобных, которые нуждаются, чтобы им показали, почему их поведение не только опасно и неправильно, но в основе своей — антиамериканское и подрывное.

Я, конечно, не представлял, как все это мог проглотить Пип. И я, вероятно, никогда бы не узнал, если бы Эйми не объявилась в один прекрасный весенний день в Лондоне. Она приехала в Европу со своим мужем Джеком на трехнедельные пасхальные каникулы, и в то же время, как Джек отбыл в Германию навестить своего дядю, Эйми направилась в Лондон.

— Потому, — сказала она, — что я несравненно больше люблю англичан, чем немцев.

Эйми подождала, пока мы остались одни в нашей лондонской квартире (Айлин была занята на кухне), прежде чем начать рассказывать о себе и, понятно, о Пипе.

— А, не спрашивай обо мне, Кит, — небрежно сказала она, когда я захотел узнать, как она живет. — Я подобна району непрерывных бедствий и ничего другого не буду собой представлять.

Когда я приподнял с недоумением брови и спросил, почему, она ответила:

— Я так отчаянно жалею, что не осталось при своих лошадях. Лошади могут быть человечными, но некоторые мужчины не в силах перестать быть животными. О! Я не имею в виду зубы и копыта или ноги и рот. Я имею в виду другое. Я ненавижу секс. Я хотела бы, чтобы бог избрал какой-нибудь другой способ делать мужчин мужчинами, а женщин — женщинами. Но как бы там ни было, довольно обо мне. Пип, вот о ком я сейчас беспокоюсь.

И она рассказала, что Пип почти всеми брошен. Джуди на стороне Лестера. Она требует, чтобы Пип сдался и подписал все эти клятвы о лояльности, которые ему все время суют. Пип же отвечает, что он достаточно лоялен и без всяких подписок.

— Я никогда не поверю, что Пип — подрывной элемент, что бы ни говорили Лестер Террада и вся эта куча пьяных конгрессменов. Я не знаю, что происходит в Вашингтоне, но что бы там ни было, я на стороне Пипа. Даже если на данный момент с ним никого нет. Особенно Джуди.

— Но что же происходит? — спросил я. — Я имею в виду между ним и Джуди.

— Они все время ругаются. Последний раз это случилось, когда она хотела пригласить Терраду для разговора с Пипом. Пип сказал,

что если Террада когда-либо войдет в их дом, он из него уйдет. Отныне и навсегда. Он никогда больше не хотел видеть этого ужасного мерзавца. Пип, как и я, если что-то решил — он не отступит. В этом его беда. Поэтому он никогда не бросит Джуди. Никогда.

Когда я спросил, как он сейчас, как чувствует себя его ловелловская душа, она сказала:

— А как ты сам думаешь, каким он может быть?

Сначала он казался спокойным. Но, чем дело становится хуже, тем злее становится Пип. Теперь он ждет не дожидается, когда его вновь начнут допрашивать, чтобы сказать, что он думает о Лестере Терраде и самой сенатской комиссии.

Я потом передал Айлин все, о чем сообщила мне Эйми. И она назвала Пипа глупцом.

— Ему надо было жениться на Эйми, — сказала она. — Эйми пошла бы с ним в огонь и воду, даже если и не понимала бы, что происходит.

— Я не уверен в этом.

— Не уверен в чем?

— В том, что Эйми не понимает, что происходит. Она, может быть, не разбирается в политике, но у нее совершенно определенное мнение о Вашингтоне. Она считает, что все происходящее там отвратительно.

Эйми мне сказала, что Вашингтон подобен борделю.

— Я честно говорю. Когда я встречаю всех этих сенаторов и конгрессменов, они выглядят, как мужики, навещающие проститутку. У них такое же выражение лица. У одних — будто они уже там побывали, у других — как будто они туда собираются.

— Откуда ты знаешь, какое бывает выражение лица у мужчин, когда они либо отправляются туда, либо уже побывали? — спросил я ее.

— Я женщина, и я знаю. Они ужасны. Все, что они делают, ужасно. Я не верю ничему, что они говорят. Я скорее поверю Пипу, что бы он ни сказал, а он говорит иногда отменные глупости. Хорошо, что ты не остался тогда у нас, в США, Кит. Мы, должно быть, выглядим отвратительно.

Мы проводили Эйми до аэродрома Хитроу, куда прибыл из Германии Джек, чтобы захватить ее по пути домой. Джек был настроен дружески и все время шутил. Он сказал Айлин, когда мы ждали, чтобы взвесили багаж:

— Не правда ли, она как настоящая маленькая провинциальная мамаша? — Он показал на Эйми, как будто она находилась за несколько кварталов от нас.

— Она прелестна, — ответила Айлин.

Взглянув на Эйми, я понял, что они оба правы, Эйми втиснула свое тело в жесткие рамки, предписанные новой модой того времени. На ней была маленькая голубая шляпа с белой вуалью и сетчатые перчатки на руках. И хотя ее одежда была, очевидно, дорогой, выглядела она как домашняя хозяйка из провинциального городка, вырядившаяся для посещения местного женского клуба. Две слезы проложили аккуратные маленькие бороздки на ее напудренном лице, когда она обняла нас обоих. Я понял: что бы с собой ни делала Эйми, это не могло причинить ущерба ее непорочной красоте, и в ней, казалось, тем сильнее проявлялась эта непорочность, чем старше она становилась.

— Она потеряла в весе, — сказал я, глядя им вслед, в то время как они прошли через паспортный контроль и скрылись из вида.

— Она потеряла и еще что-то, — ответила Айлин.

— А что именно?

— Не знаю, Кит. Что-то сугубо женское.

Я знал, в чем дело, и речь шла не о какой-то потере. Эйми все еще не могла избавиться от чувства, что каждый раз подвергается насилию со стороны этого своего всегда бодрого супруга, которого она считала типичным представителем американского мужского пола. И я подозревал, что Эйми становилось все труднее терпеть все это, сохраняя хорошую мину. Вот что подсказала Айлин ее женская интуиция. Ни нескладная одежда, ни чудная шляпка не заслонили правду от Айлин, но она не сознавала этого.

На следующий день после отъезда Эйми я наконец получил весте от Пипа. Но не в виде письма. Он прислал экземпляр своей книги «Будущее китайско-американских отношений». Я быстро пролистал ее.

В книге давался очень подробный анализ того, что происходит в Китае. Власть здесь была в руках четырех или пяти банкирских семей. Традиционная коррупция, эксплуатация населения и феодальная жестокость, захлестнувшие все слои местного общества, не оставляют городским массам и миллионам голодающих крестьян какого-либо другого выбора, кроме поддержки коммунистической революции. Как Эдгар Сноу и другие американские исследователи, Пип представил этот вывод как реальный факт, а не как свой взгляд на вещи. Будущее Китая, говорил он, очевидно и неизбежно связано с коммунизмом, и именно с этой неизбежностью должны пойти Соединенные Штаты на сделку, если они хотят сохранить какую-либо связь в дальнейшем с континентальным Китаем.

В этом анализе не было ничего необычного даже для тех времен, но необычное содержалось в заключительной главе, где он предсказал, что должно произойти в будущем, и в то время это казалось

несерьезным. Пип заявил, что, какими бы ни были краткосрочные установки американской политики, в отдаленном будущем Америка неизбежно станет союзником Китая, чтобы сбалансировать влияние русских. Больше того, китайские коммунисты сами будут стремиться к союзу с Соединенными Штатами, потому что их крестьяне, мелкая буржуазия, а также их узконационалистический коммунизм (это слова Пипа) отличаются от того, что есть в России, и все это неизбежно придет в столкновение с обычным западным или советским марксизмом. Вот что и сведет вместе капиталистическую Америку и коммунистический Китай, и хотя это ему нравилось (лично он предпочел бы иметь в качестве союзника русских), такой ход событий неизбежен.

Это всплыло позднее, на одном из заседаний комиссии, где слушалось его дело и где один из ее членов выспрашивал Пипа по поводу прогнозов в его книге. Ответ Пипа был не очень благожелателен.

— Я не отстаиваю свою точку зрения, — заявил он. — Я просто говорю вам, что произойдет. Увы, сенатор, если доживете, будете первым приветствовать такую политику.

И в действительности, американский сенатор стал-таки одним из самых первых приверженцев новой политики в отношении Китая — двадцать лет спустя. Но на заседании комиссии он взорвался, слушая Пипа, и заявил, что его арестуют за оскорбление конгресса, если он будет настаивать на возможности появления в будущем прокоммунистических симпатий у членов комиссии.

— Это вы находитесь здесь, чтобы отвечать на вопросы по поводу вашей лояльности, — говорил он, — а не члены комиссии.

— Тем не менее... — это было все, что смог рывкнуть в ответ Пип.

Комиссия использовала книгу в качестве доказательства его прокоммунистических симпатий, а также и все то, что он говорил в свою защиту, вместе с некоторыми компрометирующими высказываниями, взятыми из воспоминаний Террады об их дружбе. Вдобавок к этому два осведомителя, которые были прежде коммунистами, выступили перед комиссией с утверждением, что на собраниях коммунистической партии о Филиппе Ловелле говорили как о «прогрессивной и симпатизирующей влиятельной фигуре» в Белом доме. Когда появилась его книга, ее продавали всюду в книжных магазинах, принадлежащих компартии, и ее расценивали как дружеское издание — повторение того, что уже говорили другие осведомители о книгах Оуэна Латтимора.

После еще двух недель заседаний конгрессистской инквизиции стало очевидным, что в течение всех пяти лет пребывания в Белом доме влияние Ловелла на американскую политику носило подрывной антиамериканский характер и вдохновлялось коммунистами. И, несмотря на повторный вызов Террады защитником Пипа для дачи

показания, несмотря на целый ряд остро поставленных Терраде вопросов и яростную перепалку, когда в итоге комиссия объявила о перерыве в работе, стало похоже, что министерство юстиции намерено вызвать Пипа в Высший федеральный суд для ответа на обвинения, которые должны быть подготовлены Генеральным прокурором.

По сути дела, Пип теперь был официально заклеимен как предатель.

Глава 10

В последующие месяцы дело Пипа превратилось в юридическую волокиту, ибо его адвокаты прибегали к любому предлогу и зывали к конституционным правам, чтобы дело не предстало перед Верховным федеральным судом. Я все-таки ухитрился получить ответ от него, всего лишь несколько строчек о том, что происходит. В письме чувствовалась горечь. Но не ощущалось ни капли жалости к себе, и он не паниковал, хотя жизнь была разбита. Никто не брал его на работу. Пипа предали анафеме и церковь, и газеты, и организации ветеранов войны, и политические деятели. Книга его была запрещена почти во всех публичных библиотеках США, а в Милуокки ее сожгли на костре у входа в библиотеку. В Бостоне два молодчика сбили его с ног, а хозяин дома, где он снимал квартиру, добился постановления суда, запрещающего Пипу дальнейшее проживание там, хотя срок договора еще не истек.

Он никогда не упоминал в письмах ни Терраду, ни Джуди, ни сына, но где-то в конце одного письма было несколько теплых слов об Эйми: «Они с мужем живут в Нью-Йорке, и, мне кажется, она пытается снова восстановить свои добрые отношения с лошадьми. Она разгуливает в бриджах и коротко остригла волосы».

— Ну, что я тебе говорила? — прочитав эти строки, сказала Айлин.

— Будем надеяться, что все у нее образуется, — сказал я.

Ничего в ее жизни не образовалось. В одно воскресное утро, когда Джек ушел играть в сквош в каком-то клубе, Эйми покончила с собой.

«Она не оставила никакой записки, вернее, Джек ничего не нашел, — писал Пип. — Джек сказал, что они ссорились, но не больше обычного. А прежде чем перерезать себе вены, она молотком переколотила все тарелки. Выложила их на пол и била одну за другой. Одни тарелки — и больше ничего. Все это необъяснимо, как необъяснима ее привязанность к этим проклятым и глупым лошадям».

Вот и все, за исключением, возможно, настораживающей фразы в конце: «Не спрашивай меня ни о каких деталях, я не хочу об этом говорить».

Еще он добавил две строки о себе. Он продолжал бороться против обвинительного акта и собирался подать в вашингтонский суд на Лестера Терраду за клевету и оскорбление личности. «Они не дали мне возможности разоблачить его на заседании комиссии, — писал Пип. — Теперь я возьмусь за него в гражданском суде. Все говорят, что у меня нет надежды выиграть дело. Но по крайней мере я смогу показать, что он негодяй, лицемер, лжец и продажный доносчик. В конце концов он получил за это награду, не так ли?»

Тогда мне показалось, что сообщение Пипа об Эйми было настолько скучным, что граничило с безразличием. Меня так потрясла и расстроила ее смерть, что какое-то время я думал, что меня это больше затронуло, чем Пипа. Несколько лет спустя Пип докажет, что я был не прав. Тогда же Айлин, плача, приговаривала: «Бедная Эйми, бедная девочка!..» А я бродил по комнатам, недоумевая, что заставило ее решиться на такой шаг, пока Айлин это не надоело и она выпалила:

— Ну, ладно, ладно. Так почему же она это сделала?

Я не хотел казаться слишком умным, но считал, что знаю ответ, и по глупости, не подумав, заявил:

— Эйми слишком часто подвергалась насилию.

— Какая чепуха, — сказала Айлин. — Это не объясняет, почему она покончила с собой.

Поскольку у Айлин был практический склад ума, она начала искать другую альтернативу:

— Если бы только Пип бросил Джуди и ушел к Эйми, все было бы иначе.

Мне всегда хотелось, чтобы так произошло, и особенно остро я это ощутил, когда прочитал в «Тайме», что Джуди бросила Пипа.

Она сообщила об этом, выступая в Вашингтоне на митинге, устроенном организацией «Дочери американской революции». Как и Лестер, она говорила о том, что безуспешно пыталась заставить Пипа отказаться от своих подрывных и опасных идей и мыслить как нормальный и достойный американец. Она сказала, что уходит от него не только для блага Америки, но и ради блага своего сына, ради его будущего как гражданина США. Для маленького Лестера не могло быть нормального будущего, пока отец его отказывается объявить себя лояльным американцем, отречься от своих прокоммунистических симпатий.

— Я надеюсь, он пристрелит ее, — сказала Айлин.

— Пипа самого кто-нибудь пристрелит.

— Значит, ему быстрее надо убираться из Америки, — сказала Айлин. — Хотя бы на время.

— Они его не выпустят, — сказал я.

— Но ведь он может как-то выбраться оттуда.

— Какая в этом польза? Сомневаюсь, что британские власти разрешат ему остаться здесь, даже если ему удастся пробраться сюда.

— Почему ты не напишешь ему и не спросишь? — предложила Айлин.

Я так и сделал, но и на это письмо Пип не ответил. Он вообще перестал писать, и о ходе его дела я знал только из печати. О том, что он предъявил Терраде иск за клевету, я нигде не читал. Лишь много позже я узнал, что он не мог найти ни одного адвоката, который взял бы на себя смелость предъявить иск Терраде. Даже его верный защитник, который боролся за отмену обвинительного акта против него, не рискнул это сделать. Постепенно имя Пипа начало исчезать со страниц американской прессы, поскольку начали появляться новые, более сенсационные дела. Среди них дело Альгера Хисса, которое было гораздо серьезнее. На него уже был составлен обвинительный акт на основании показаний Уитеккера Чаймберса, также работавшего для «Тайма», и уже шла ожесточенная борьба вокруг Оуэна Латтимора. Таким образом, я все меньше и меньше получал информации о Пипе.

Между тем мы с Айлин переехали в Париж, где уже проживало больше дюжины американских изгнанников, бежавших от маккартизма. В основном это были голливудские сценаристы, режиссеры, актеры и другие жертвы, вроде знаменитого американского специалиста в области фотографии Пола Стренда. Никто из них не знал лично Пипа, и, насколько я мог догадываться, он просто исчез в этой развязанной маккартистами американской заварухе.

Глава 11

Но к этому времени Европа тоже была втянута в холодную войну наравне с Америкой, так что американским беженцам в Париже жильё ненамного легче, чем у себя дома. Меня это не касалось, но мои голливудские друзья должны были сплотиться в некие анонимные группы, чтобы выжить. Паспорта у всех были недействительны, и, хотя французское правительство терпело беженцев и выдавало им вид на жительство, тревог и забот у них хватало. Работать они могли лишь под покровом глубокой тайны и не только затем, чтобы избежать неприятностей с французскими властями. Об их работе не должны были знать и американцы, у которых они были занесены в черные списки и до сих пор преследовались.

В такой ситуации оказался Пип, когда появился в Париже.

Я тогда жил на улице Монж и по утрам писал, сидя в открытом кафе под названием «Золотое солнце» рядом с мостом Сен-Мишель со стороны острова Сите. В основном сюда приходили адвокаты из

Дворца правосудия, который находился за углом. Был здесь и телетайп, передающий коммерческие новости, под стеклянным колпаком, похожий на сооружение времен Эмиля Золя (если только они имели телетайпы в то время). Но это было тихое солнечное местечко, и я спокойно работал, попивая кофе с вермутом, и, когда невесть откуда появился Пип, был не просто удивлен. Мне казалось, что мы разыгрываем какую-то сцену из французского фильма.

— Как ты меня нашел? — с любопытством и настороженностью спросил я, когда мы обменялись приветствиями.

— Кто-то сказал мне, что ты в Париже, и дал твой адрес. Я заскочил, и Айлин сказала, где тебя найти.

— Когда ты прибыл сюда? Я имею в виду Европу.

— Неделю назад.

— Но откуда же, ради бога?

— Из Канады.

— И они просто вот так выпустили тебя из Штатов?

— Ну, не совсем так.

Пока что Пип говорил сдержанно, но потом немного расслабился. Он рассказал мне, что выбрал один из наиболее бойких участков на границе возле Детройта и просто перешел через мост Виндзор в Канаду незамеченным. Паспорт был еще действителен. Канцелярия генеральной прокуратуры потребовала его сдачи, но Пип отказался.

— Срок истекает через месяц, и поскольку я знаю, что они никогда не продлят его, то подумал, что будет лучше убраться как можно дальше, пока у меня еще есть такая возможность.

Прошло почти пять лет с тех пор, как я видел его в последний раз, и почти год со времени получения его последнего письма. Так что образовался большой разрыв между тем Пипом, которого я знал, и нынешним. Он походил на потрепанное пугало. Лицо его будто высохло, он постарел, а его когда-то искренний и доверчивый взгляд затмила какая-то обезличенная горькая подозрительность, будто, взирая на мир, он ничему уже больше не хотел верить.

Мы сидели за маленьким мраморным столиком, и я спросил его, где он живет. Он ответил, что у него есть комната позади Школы Изыскных Искусств.

— Шесть футов на четыре. С линией метро подо мной и двумя протекающими туалетами наверху.

Я засмеялся, но Пип даже не улыбнулся, и я понял, что старого беззаботного Пипа уже нет. Даже несколько проведенных с ним минут сказали мне много.

Ты случайно не знаешь хорошего дешевого французского юриста? — спросил он, когда я заказал ему кофе.

Нет, а зачем тебе?

— Они говорят, что я должен запастись им, чтобы получить вид на жительство, когда кончится срок действия паспорта.

— Ты действительно так думаешь? — И я рассказал ему, что другие американские изгнанники разработали специальную систему, как улаживать подобные дела с французскими властями, и она неплохо действует.

— Почему бы тебе не поговорить с ними? — предложил я.

Он потягивал свой кофе.

— Я не хочу связываться с американцами, — сказал он. — Наверняка среди них есть мерзавец, который сообщит обо мне в ФБР.

— Только не среди этой компании, — возразил я.

На этот раз он засмеялся, но это был не открытый веселый смех, а похожий на сухой легкий кашель.

— Ты все такой же, Кит. Всегда верен своим друзьям.

— А как же иначе? — сказал я как можно бодрее.

— Не обращай на меня внимания, — ответил он. — Я все еще колючий, но со временем это пройдет.

— Выглядишь ты неплохо, — сказал я.

— Я выгляжу так, словно меня с ног до головы облили дерьмом, и так же чувствую себя.

Он спросил меня об Айлин и поздравил с рождением сына Дика, которым Айлин уже успела похвастаться.

— Ты, наверно, хочешь узнать о Джуди, — сказал он.

Я признался, что хочу, только не знал, как удобнее спросить.

— В будущем месяце Джуди выходит замуж за Терраду, — сказал он.

— Я знал, что она тебя покинула, но не знал, что дело зашло так далеко.

— Она ухитрилась получить самый быстрый развод, когда-либо зарегистрированный в штате Нью-Йорк. Они с судьей, который вел дело, получили истинное наслаждение, обдирая меня как липку. У меня отняли даже сына.

— Как же так? Что они сделали с мальчиком?

— Учитывая присутствие на суде полудюжины газетчиков, судья решил изобразить из себя верноподданного гражданина. Он заявил, что любое общение мальчика со мной исключает возможность его воспитания в духе преданного американца. Так что мне запретили вообще с ним видеться. Теперь Джуди собирается возложить обязанности отца на Терраду.

— Джуди никогда не упустит свой кусок мяса, — сказал я.

— Я не думал, что она хотела так много, — сказал мрачно Пип. — Во всяком случае, не сына. Но ведь ты ожидал от нее чего угодно. Она всегда тебе не нравилась.

— Дело не в том, нравилась она мне или не нравилась, — запротестовал я. — Я просто всегда считал, что она тебе не пара. Вот и все.

— Ты всегда считал меня слабохарактерным и неумным, не так ли?

— Нет, просто ты был не прав, Пип. Тебе надо было жениться на Эйми.

— А, замолчи,— спокойно сказал он.

— Извини, но я действительно так считаю.

Наблюдая за Пипом, я все думал, как вести себя с ним, и решил, что он нуждается в хорошей встряске, а не в жалости, и я думаю, он сам считал, что для него так лучше. Но, даже несмотря на мою попытку встряхнуть его, он не стал говорить ни об Эйми, ни о Джуди.

— Этот этап моей жизни завершен,— сказал он.— И я хочу как можно быстрее о нем забыть.

— Ну, ладно, ладно. Я не буду упоминать об этом больше. Но как ты дальше собираешься жить в Париже?

— Пока еще не знаю. У меня осталось немного денег, о которых Джуди не знала. И есть тетка в Блуа, которая ко мне хорошо относится. Но надо найти работу, если это возможно. Ты случайно не имеешь чего-нибудь на примете?

— В этом вопросе я малосведущий человек. У меня мало знакомых французов, и это не те, кто сейчас нужен.

— Да я и не французов имел в виду, Кит. Я не так уж силен во французском языке. Я имел в виду... что-нибудь... Черт возьми, я и сам не знаю, что я имел в виду. Когда-то в Европе у меня было много друзей. Что-нибудь я себе подыщу.

Мы покинули «Золотое солнце» и пошли по мосту. На полпути он остановился и, облокотившись на перила, посмотрел в сторону собора Нотр Дам.

— Ты знаешь, Кит,— сказал он,— когда мне было лет тринадцать, я лежал с желтухой, и мать читала мне «Собор Парижской богородицы». Я ненавидел каждое слово. Наверно, желтуха так действовала на меня. И каждый раз, когда я смотрю на эту громадину, я думаю, сколько же еще понадобится времени, чтобы я эту книгу полюбил.

— Какое это имеет значение? — сказал я.— Зачем тебе ее обязательно любить?

— Я и сам не знаю. В ней что-то настолько угнетающее и типично французское, что мне кажется, я не буду здесь, в Париже, счастлив до тех пор, пока не избавлюсь от чувства безнадежной депрессии, входя в это проклятое сооружение.

— Черт возьми, Пип. Ведь не будешь же ты ходить всю жизнь с таким настроением! Оно пройдет.

— А может быть, и не пройдет. В одном я уверен,— сказал он просто.— Я знаю теперь, что никогда не захочу увидеть снова Америку.

— Это у тебя тоже пройдет,— твердо сказал я, следуя своему курсу на жестокость.

— Не думаю,— сказал он почти без всякого сожаления, и меня это даже потрясло тогда.— Моя Америка умерла навсегда, Кит. Или лучше сказать, она погибает в результате того, что подверглась, образно говоря, грубому животному осеменению, которое (я раньше так думал) должно было ее спасти. Но я оказался чертовски не прав.

Я не знал еще, как расценивать ниспровержение с пьедестала великой нации и великой республики. Пип говорил об этом слишком спокойно, чтобы его слова можно было объяснить естественным в его положении чувством горечи. Я решил подождать и посмотреть, что он скажет после нескольких недель, проведенных в безопасном убежище здесь, в Париже.

Мы пошли дальше, и я пригласил его к нам на обед. Он отказался, потому что, по его словам, не хотел вносить сумятицу в домашний распорядок Айлин.

— Лучше пригласи меня в другой раз, предварительно согласовав это с Айлин.

Он по-прежнему оставался тактичен и внимателен. Я записал его адрес и номер телефона, а он пошел своей припрыгивающей походкой по бульвару Сен-Мишель. Я обратил внимание на его одежду. Пип всегда носил дорогие, хорошо сшитые по его тонкой и гибкой фигуре костюмы. Сейчас он по-прежнему был в хорошем костюме, который, однако, висел на нем свободно. Внешне он будто вновь обрел облик жилистых парней из Новой Англии, обитающих в открытых всем ветрам местах атлантического побережья, закаленных самой жизнью, с обветренными, загорелыми лицами. Когда я смотрел, как он шел, то было пожалел его: «Эх, ты, бедолага». Но тут же передумал: Пип не выглядел побитым.

Через два дня он пришел к нам в гости, и, вдоволь навозившись с нашим сыном Диком, заявившим ему, что у него не колени, а «мешок с костями», показал нам последнюю фотографию маленького Лестера. Мальчик на снимке выглядел очень серьезным, даже угрюмым. Пип рассказал Айлин, что, после того, как они после развода вышли из зала заседаний, Джуди великодушно предложила Пипу ежегодно присылать фотографию мальчика, снятую в день его рождения.

— Чтобы я знал, как мальчик растет...

— Надеюсь, ты поддал ей за это?

— Ну, зачем же так,— сказал он сухо.

— Я думал, что ты поставил крест на том этапе своей жизни,— сказал я ему.

— Неужели я это говорил?

— Да, говорил.

— Значит, я полный дурак,— сказал он. Потом с горечью посмотрел на фотографию сына и неожиданно, прежде чем мы могли его остановить, разорвал ее.

— А ведь ты прав, Кит. Я действительно со всем тем покончил. Но настроение у него было неплохое, а аппетит, как всегда, отменный. Он выпил три аперитива перед обедом и четыре или пять бокалов вина за столом, так что он немного разомлел, когда мы сели в маленькой гостиной пить кофе. Он рассказал нам кой-какие подробности о заседании сенатской комиссии по его делу и о своей последующей борьбе, чтобы не попасться в лапы Верховного суда. Мне пришлось оставить его одного с Айлин на десять или пятнадцать минут, потому что Дик был не совсем здоров (впоследствии оказалось, что это корь) и наступила моя очередь уговаривать его идти спать. Когда я вернулся, то понял, что он сказал ей что-то такое, чего не сказал бы мне. Но я не знал, о ком — о Джуди или Эйми. Оказалось, что об Эйми.

Но вот что он хотел сказать мне, так это о своих изменившихся взглядах по поводу судьбы Америки. Помня о его великолепном даре давать реальную оценку происходящему, я спросил его, что, по его мнению, произойдет с Соединенными Штатами, если будет продолжаться искоренение всяческой оппозиции современными институтами власти.

— Я даже не знаю, что следует ожидать. Я только знаю, о чем сожалеть,— ответил он.

— Всегда есть много такого, о чем можно сожалеть,— отозвался я.— Но это не объясняет происходящего.

— Обстановка сейчас стерильная,— сказал он.— Так что ничего не происходит.

— Я полагал, что вся эта чертова страна должна находиться в брожении,— возразил я.

— Она и находится,— сказал Пип.— Но лишь потому, что она отдала себя на суд средневекового крестьянства со всей его моралью и социальным варварством, которое исторически абсолютно никак не связано с Америкой. Ничего, кроме невежества и предрассудков, они не принесли с собой, мерзавцы. Да еще, пожалуй, примитивные мифы о Великой Республике, которые они себе вбили в голову. Это зубы дракона, Кит. Они научились читать и писать и сколачиваться в кланы, где не допускается никакое инакомыслие. И они, таким образом, считают себя образцом свободного общества, когда на самом деле они не что иное, как носители идеологического месива, которое используется для разрушения того малого, что еще осталось от первоначальной республики.

— Боже мой,— сказал я.— Ты говоришь так, будто отрекся от людей, которых ты всегда называл настоящей начинкой Америки: все эти превосходные отбросы с перенаселенных дальних берегов.

— Я в них уже не верю. Я даже в самого себя не верю. Вот так-то!

— В этом случае Террада выиграл ваш спор, — подвел итог я. — Ты ему все передал.

— Конечно, — ответил он. — Он самая яркая иллюстрация к тому, о чем я говорил. Разве я не пытался убедить его и всех ему подобных, что они могут измениться лишь тогда, когда отдадут себе отчет в том, кто они такие? Но я был чертовски глуп, Кит, и ослеплен своей дурацкой верой в народные массы. Я считаю, что Америка перестала быть Америкой после того великого переселения. После того, как нахлынула сюда эта беспорядочная толпа, жаждущая свободы. Это они создали миф, Кит, вернее, миф был придуман для них.

— Я этому не могу поверить, — сказал я. — Ты становишься желчным.

— Ничего подобного, — возмутился он — Просто я восстановил способность здраво мыслить, и это все. Единственная Америка, которую я все еще уважаю, лежит где-то около тех первоначальных тринадцати колоний, и я считаю, что она существовала, может быть, лишь тридцать лет после войны за независимость.

— Это говорит в тебе твоя голубая кровь, — стоял я на своем. — Ты становишься реакционером.

— Я становлюсь тем американцем, каким был рожден, — сказал он несколько раздраженно. — И теперь, слава богу, я горжусь этим, а все остальное пусть катится к черту.

Я, конечно, сделал скидку на аперитивы и вино, но я знал: Пип всегда говорил то, что думал. У него теперь появилась манера говорить сухим тоном и твердо — каким и сам он хотел быть.

— Жаль, что ты изменил свою точку зрения, — сказал я. — Ведь много лет тому назад ты убедил меня в том, что ты был прав. По сути дела, я всегда смотрел на Америку, как ты учил меня.

— Я тоже, — сказала Айлин.

— Я не хочу вас переучивать, — сказал Пип. — Вы не американцы, и эти мерзавцы не смогут сделать с вами того, что сделали со мной.

Он наклонился, поцеловал Айлин и сказал, что ему пора идти домой.

Он ушел, слегка пошатываясь, но у него был такой вид, будто он был доволен, что встряхнул нас немного. Почему бы и нет? Я думаю: в тот вечер по дороге домой он над чем-то подсмеивался, если слово «смех» для этого подходит. Он явно над чем-то подсмеивался.

— Он так убедителен, — сказала Айлин, когда он ушел и мы отправились мыть посуду.

— Удивительно, почему все американцы с таким пристрастием относятся к Америке, — сказал я. — Наверное, сказывается чрезмерное потребление апельсинового сока.

— Он мне рассказал об Эйми.

— Да?

— Ты знаешь, что Джуди потребовала вскрытия тела? Она была уверена, что Эйми принимала наркотики; иначе почему, мол, она перерезала вены и разбила тарелки.

— Я этому никогда не поверю.

— Она не была наркоманкой. Она была беременна.

— Ты хочешь сказать, что из-за этого она покончила с собой?

— Кто знает! Как Пип говорит, Джек заявил, что если она и была беременна, то не от него. А записку она все-таки оставила. Ее нашли, и из-за нее у Пипа и Джуди возникли большие осложнения. Это была единственная записка, которую она оставила, и она была адресована Пипу. В ней говорилось, что она не хочет делать того, что делает, но что еще можно придумать, если мир настолько мерзок.

— Но почему это привело к таким осложнениям между Пипом и Джуди?

— Да потому, что Джуди считала, будто Эйми забеременела от Пипа.

— Я не склонен этому верить.

— Ты можешь не верить, — сказала Айлин, — но Пип жалел, что он этого не сделал. Он убежден, что она не знала о своей беременности. Если бы она знала, она бы никогда себя не убила. Он сказал, что у Эйми были глубокие моральные принципы и она предпочла бы перенести любой позор, чем убить нерожденного ребенка. Он уверен, что она хотела покончить только с собой. И он не думал, что это имело касательство к ее угрызениям совести, или представлению о совершенном грехе, или еще к чему-то подобному. Она просто хотела покончить с той жизнью, которая ее не устраивала, и поскольку она была женщиной практичной, то, с ее точки зрения, она поступила верно. Он думает, что дело с тарелками было своего рода каким-то вызовом, Кит. Но истинная трагедия заключается в другом. Пип считает — все было бы иначе, если бы он сам хоть в малейшей степени догадывался, что с ней происходит.

— Что он имеет в виду?

— Не знаю, но это были точно его слова.

Я положил на стол блюдо, которое вытирал, и подумал, смогу ли я еще когда-нибудь посмотреть на тарелки, не вспоминая об Эйми, как сейчас.

— Если ни Джек, ни Пип не были отцом ребенка, — сказал я, — какому же новому насилию подверглась ее натура! Она, наверное, была в полном отчаянии, бедная девочка...

Мы уже достаточно оплакали Эйми и фактически переключились на Пипа. Что он имел в виду, когда говорил, что хотел бы быть отцом ее ребенка? Было ли это сказано просто так или он действительно хотел, чтобы с Эйми сложились такие отношения? С другой стороны, он был

так занят собственными неприятностями, что не мог ожидать от нее ничего большего, чем их старой дружбы. Может, он сожалел, что их дружба не переросла в нечто большее? Что не порвал со своей прежней жизнью и не создал новую вместе с Эйми?

В одном мы не сомневались: если бы с Пипом была Эйми, он не был бы одиноким человеком, который сейчас, как старый серый волк, бродит по парижским бульварам, никому не доверяя, отсекая от себя все прекрасное, во что он когда-то верил, не зная, куда он идет и в чем теперь заключается суть его жизни.

Глава 12

Мы уехали из Парижа в Лондон вскоре после появления Пипа и не знали ничего о его повседневной жизни. Но полагаю, что последующие два года были для него просто временем, которое он хотел пережить. На несколько месяцев у него еще хватало денег, но вид на жительство он получил лишь после долгих и сложных препирательств с властями, длившихся шесть месяцев. Это значило, что он жил нелегально во Франции целых пять месяцев.

Никто из властей не стремился облегчить судьбу этих отверженных с другого берега Атлантики. И когда дела оборачивались для них плохо, Пип и другие эмигранты ничем не могли помочь себе, хотя у них и были верные друзья среди французов. Единственное, что им оставалось, — это выражать официальным французским представителям свои протесты. Но все равно во Франции им было лучше, чем в Англии, где к эмигрантам из Америки относились с несравненно меньшей доброжелательностью.

Все, что я помню о Пипе в течение тех двух, трех лет и даже немного позднее, — это краткие встречи, которые у нас были, когда мы проездом останавливались в Париже. Да еще однажды, когда мы жили в Аи, в Провансе, он провел неделю с нами, дрожа от холода в арендованной нами вилле и проклиная резкий и свежий северный ветер, который буквально срезал каштаны с веток своим леденящим морозным дыханием. Пип слишком исхудал, чтобы выдержать такую зиму в Провансе. Поэтому он бросил все и уехал обратно в Париж, в свою теплую сырую комнатку.

Сначала, казалось, он вообще не находил себе места. Он всех старался избегать, чтобы случайно не нарваться на какого-нибудь корреспондента, разнюхавшего, что Филипп Ловелл живет в Париже без паспорта, и не сделаться вновь предметом сенсации в Америке. Работы он найти не мог, и не в пример голливудским эмигрантам, которые тайком работали над второсортными европейскими и американскими фильмами, снимавшимися в Европе, дешевой журналистской работы для него не было.

Одно время он жил уроками английского языка, обучая двух мальчиков французского дипломата, которого он знал когда-то в Вашингтоне. Это была маленькая великодушная синекура, и она его угнетала и деморализовала.

Потом он работал в международном агентстве, где читал американские и английские газеты и составлял тематические вырезки, за которые получал плату. Он мне говорил, что с познавательной точки зрения эта работа дала ему больше, чем что-либо другое, так как один день он вырезал дипломатические новости, другой — скандальную хронику, а на следующий — тяжеловесные политические статьи. За этим последовала другая работа — писать под псевдонимом для голливудского журнала всякие истории о европейских кинозвездах. Это была его первая подпольная журналистская работа.

Но это продолжалось недолго. Голливудский журнал узнал, кто скрывается под именем Вильяма С. Смайли, и заместитель редактора написал ему соболезнующее письмо, сообщая, что дальше печатать его статьи они не могут. Если Луэлла Парсонс и ее друзья узнают, что журнал публикует сообщения Филиппа Ловелла под именем Вильяма С. Смайли, они прикроют журнал, потому что обладают достаточным для этого влиянием.

Первый год для Пипа был, вероятно, особенно трудным, его все время трясло, и он старился. Его врожденный аристократизм не мог примириться с бедностью и положением изгнанника. Пип смотрел на мир глазами человека, который не мог осознать, что с ним произошло. И приблизительно в это время, в конце первого года изгнания, он встретил французскую девушку Моника Дрейфус.

Моника была коренастой, энергичной, разумной, с решительным характером и с мягкими, кошачьими движениями. И она в любом случае была способна и на интеллектуальном уровне и на более примитивном дать отпор любому, кто попытался бы причинить Пипу зло. Эта Моника приводила Пипа в чувство, когда у него появлялось желание просто лечь и от всего отрешиться. Он иногда слишком много пил, но Моника заявила ему, что она не потерпит этой дурацкой американской привычки напиваться, когда находишься в подавленном состоянии.

— Ты же сам видишь в кинофильмах, — говорила она, — это выглядит глупо, по-детски. Вы, американцы, считаете, что так и надо поступать.

А Пип говорил, что он будет защищать Америку, чего бы это ему ни стоило, и добавлял, что все быстро во Франции полны отчаявшимися французами, одуревшими от пьянства.

— Так что на нас не сваливай, — говорил он.

— Все дело в том, как вы это делаете, — настаивала Моника. — Вы упиваетесь спиртным, как упиваются религией. Если хочешь жить со мной, то напивайся от радости, а не с горя. С горя не смей пить!

Моника была подобна назойливой насадке. Но ее сильный голос, очаровательный акцент и галльская логика утихомиривали податливого Пипа. Все же он продолжал пить больше, чем следовало, хотя я лично считаю, что это в какой-то мере и спасло его на втором году пребывания в Париже. Алкоголь помогал ему переносить все трудности создавшегося положения так же, как и Моника, которая выполняла роль его ангела-хранителя до тех пор, пока он сам о себе не смог позаботиться.

Пожалуй, основная сила ее влияния заключалась в том, что она питала отвращение ко всему, что творилось в Америке, а также в ее бурно проявлявшемся негодовании, когда Пип начинал лить слезы по поводу всего случившегося. «Ему следует радоваться, — говорила она, — потому что страдания, которые он перенес, лишь подчеркивают примитивность самих американцев». Но, защищая себя от ее нападков, он подчас должен был защищать и саму Америку, что тоже шло ему на пользу.

— Если ты приехал в Европу, чтобы здесь поселиться, то должен перестать думать о Джордже Вашингтоне и Аврааме Линкольне, — заявила она однажды, когда мы все сидели в маленькой квартирке, которую она снимала неподалеку от Марэ.

— Но я о них и не думаю, — протестовал Пип.

— В таком случае ты не должен расстраиваться из-за того, что с тобой произошло. Ты находишься по одну сторону, а эти мерзавцы в Вашингтоне по другую. Это политика. Но все вы, американцы, одинаковы: вы вечно думаете, что кто-то кого-то предаст. А на деле все сводится к одному — все тот же Джордж Вашингтон и Авраам Линкольн. Это несерьезно.

— Моника, это наша история, другой у нас нет, — настаивал Пип. — И мы должны жить в мире условностей, predetermined этой историей. В конце концов, ведь каждый француз считает себя порождением революции.

Они продолжали спорить, а мы продолжали слушать, так как видели, что Пип начал наконец оживать. Мне кажется, Моника все это

делала умышленно. Но в ее поведении сквозила разумная простота, и трудно было поверить, что жизнь Моника сложилась совсем не так уж легко. Нацисты схватили ее родителей во время оккупации. И они исчезли бесследно. Она же была воспитана во французской буржуазной семье, где ее обожали, хотя и не одобряли ее связь с Пипом. Приемные родители считали, что она растрчивает на него свой французский талант, французское будущее и французскую респектабельность. Но любившая их Моника со своим кошачьим характером и пружинистой фигурой хотела другого. Она хотела заняться чем-то серьезным и даже несколько рискованным. Пип сам по себе представлял достаточно серьезную проблему. Но она бы с удовольствием потягалась силами даже со всеми Соединенными Штатами, и Айлин сказала, что это результат того, что Моника, должно быть, сохранила память о своей собственной беспомощности, когда она явилась жертвой жестокой и неограниченной власти фашистов. Поэтому она и была так воинственна.

Во всех других отношениях это была девушка, разделявшая условности своего окружения. Она была квалифицированным фармацевтом и работала в чистой, сверкающей стеклами аптеке, принадлежавшей ее приемному отцу. В своей аптеке Моника держалась по деловому и сугубо официально, даже по отношению к Пипу, в чем я однажды убедился, когда мы приехали пригласить ее на обед. Меня бы не удивило, если бы она, сидя за стеклянной перегородкой, обратилась к Пипу: «Мсье, чем могу быть вам полезна?» Она не любила, когда мы наносили ей личные визиты во время работы, и всячески стремилась нас выпроводить.

Некоторое время я думал, что в Монике Пип опять нашел сильную доминирующую натуру, которая сделает с ним то же самое, что сделала Джуди,— превратит его в тряпку. Но как только они начинали спорить, впечатление это пропадало. А ругались они достаточно часто. И тогда я понял, что Пип нашел на этот раз такого противника, который заставит его проявить, когда понадобится, мужество.

Так что в течение первых двух лет он имел настоящую поддержку. Но только на третий или четвертый год он смог найти серьезную работу, хотя вынужден был по-прежнему скрываться и писать под псевдонимом. Я думаю, все началось с канадца по имени Хьюз. Он работал агентом в одной из американских информационных служб в Париже и был опытным журналистом. Он знал Пипа еще по Вашингтону и ценил его уникальные способности к анализу. В то время французы только что столкнулись с серьезным сопротивлением со стороны вьетнамцев, и Хьюз попросил Пипа написать статью о возможном развитии событий. Используя другой псевдоним, Жорж

Гранвилль, Пип предсказал серьезные неприятности для французов и даже возможную катастрофу, если партизанская война во Вьетнаме будет расширяться.

«Французы не могут победить, — писал Пип, — как, впрочем, никто не может серьезно рассчитывать на покорение вьетнамцев. На протяжении своей истории они разгромили или пережили по крайней мере восемь иностранных вторжений. Почти на протяжении пяти столетий они фактически находились в состоянии войны с иностранцами или другими поработителями. При наличии оружия, специфики их местности и стойкой народной воли для французов не представляется возможным разбить вьетнамских партизан, так как каждый раз, когда французы пытаются вступить в битву, они просто растворяются среди этих лесов, полей и деревень».

По тем временам это было смелое предсказание, и французам оно не понравилось. Но Хьюз в обиду Пипа не давал и не называл его настоящего имени. И впоследствии Пипа просили проанализировать не только азиатские дела, но и положение во Франции, для чего он теперь также созрел. Любопытно, что Пип, будучи анонимным журналистом, стал писать гораздо лучше, чем раньше. Я обнаружил в его статьях остроту, чего ему всегда недоставало. Чувствовалась разница между прежним, довольно мягким и податливым Пипом и новым, прошедшим школу маккартизма, острым, как бритва.

Я не знаю, почему Пип и Моника не поженились, но, вероятно, сыграло роль то, что положение самого Пипа было неопределенно. Это их тревожило. Без паспорта он по французским законам был ничто, даже имея на руках вид на жительство. В те времена все американские эмигранты жили под угрозой, что длинная рука Вашингтонской комиссии может дотянуться и силой вытащить их из временного убежища, чтобы передать под юрисдикцию Верховного суда. И я думаю, Моника не хотела остаться ни с чем. Она не собиралась становиться, пусть даже косвенно, жертвой этих американских подлецов.

Такого рода семейные отношения и установились между ними. Жили они большею частью на квартире у Моника и время от времени отдыхали в Дордони или Бретани и никогда на Лазурном берегу, где, как Моника считала, слишком много показного и чужого и где нет ничего исторически достопримечательного.

Она очень хорошо знала Бретань и рассказывала Пипу на месте об исторических событиях в Вандее и деятельности крестьянских повстанцев в 1793 году. У нее был маленький четырехцилиндровый «рено», и два или три раза я садился с ними в машину, после чего клаясь никогда этого не делать. Они оба были очень плохими водителями и постоянно спорили об уличном движении, о том, какой

избрать маршрут, кто и когда сделал неправильный поворот или не туда свернул, или не там остановился. Пип под влиянием Моника все больше начинал походить на француза. Но я знал, что, даже если положение дел в Америке изменится и Пипу каким-либо образом удастся достать паспорт и возвратиться в Америку, Моника с ним не поедет. Она никогда не покинет Францию надолго. Так что Пипу самому следовало ко всему приспособляться. И похоже было на то, что ему придется долго жить, находясь все время в тени, в условиях, когда нет возможности стать тем, кем был раньше.

Пип вел себя в гораздо большей степени как мужчина, чем когда бы то ни было. И я невольно склонялся к тому, что Моника права! Пусть он забудет о том, кем был раньше. Пусть забудет Америку, махнет рукой на все трудности, связанные с положением человека без родины и даже не имеющего настоящей работы. Жить, все время думая о безвозвратно ушедшем прошлом,— значило подтачивать самого себя, и, хотя никаких особых надежд будущее ему не сулило, Пип каким-то образом не утратил ни цели жизни, ни способности действовать решительно. Моника позаботилась об этом.

Таким образом, они представляли собой устоявшуюся пару, когда мы говорили их провести с нами один летний месяц на вилле, снятой на мысе Ферра. Это было большим достижением, и это был тот случай, который давал Пипу возможность утвердить себя: он был твердо настроен приехать, и ему предстояло преодолеть упорное отвращение Моника к Лазурному берегу, посадить ее в машину и доставить в наш маленький домик на той стороне мыса, где находилось местечко Сен-Жан. Я, возможно, изобразил отношения Пипа и Моника как сплошные столкновения и ссоры. На самом же деле эти отношения бывали и непринужденными и теплыми, и нам показалось, что они в прекрасном настроении, когда спустились завтракать в первый день. Стояла типичная средиземноморская погода. Был июнь, воздух будто застыл, солнце на лазурно-голубом небе грело, но не пекло; и мы чувствовали, как будто нам предоставлена отсрочка от дел на все это великолепное время. Никуда не надо было спешить, ни с кем не тягаться и не заботиться о том, что происходит в мире. Внизу, у подошвы горы, сияло море, и час, который мы, беседуя, провели в саду за столом, после завтрака, был не потерянным временем, а как бы приспешенным на будущее. Это был рай земной.

— Чем ты занимаешься здесь целыми днями? — спросил меня Пип, откинувшись на стуле и подняв к утреннему солнцу лицо.

— Работаю, — сказал я. — Во всяком случае, утром.

— Но где, как?

— Да где угодно, — отвечал я. — На пляже, в саду, где угодно, лишь бы солнце было.

— Тебе надо надеть шляпу,— сказала Моника Пипу, затеяя ему руками глаза.

— Я в жизни никогда шляп не носил.

— Ну, а сейчас тебе надо носить. Нехорошо, когда солнце припекает голову. Это вредно для здоровья.

— Купи себе белую панаму,— предложила Айлин.— Она тебе пойдет.

— Я буду похож на табачного аукционера,— сказал Пип.

— Нет, не на него,— отозвался я.— Ты будешь похож на представителя английского министерства колоний, который дает совет губернатору Сьерра-Леоне удерживать туземцев от появления на улицах города.

— Я больше не даю советы губернаторам,— сказал Пип.— Издателям тоже.

За два дня до этого мы прочитали в парижском издании «Нью-Йорк геральд трибюн», что человека, ответственного за издание книг Пипа, вызвали в сенатскую подкомиссию. И хотя там упоминалась целая дюжина других книг, на издателя была брошена тень в основном из-за книг Пипа и из-за самого Пипа, который якобы пытался влиять на деятельность издательства, находясь на должности «специального советника». Имя Пипа уже давно не фигурировало в разбирательствах комиссии, но даже теперь одного упоминания о нем было достаточно, чтобы осудить человека, который когда-то издавал его книги.

— Интересно, когда-нибудь все это кончится? — спросила Айлин, разомлевшая, как и мы, от жаркого солнца.

— Что кончится?

— Все это дело с маккартизмом.

— Только после того, как у нас будет еще одна война,— сказал Пип.

— Ты действительно думаешь, что у вас будет еще одна война?

— Рано или поздно мы затеем одну в Азии.

— Не понимаю, как после Кореи американцы могут вести еще одну войну,— сказал я.

— Это еще раз показывает, как мало ты знаешь Соединенные Штаты. Они не только затеют еще одну дьявольскую войну, но они будут воевать с дьявольским упорством и с дьявольской убежденностью. Больше того, они ничем не будут гнущаться, ничем.

— Я этому не верю,— сказал я.— Они никогда не воспользуются атомным оружием снова. Слишком много доводов не в их пользу.

— Если будет необходимость применить его, то они это сделают,— настаивал Пип.— У нас существует целое поколение патриотов,

которых нужно избить до полусмерти, прежде чем они начнут соображать, на что они растрачивают свой патриотизм.

— Но кто же их избьет?

— Я не знаю,— сказал Пип.— Но сделают это низкорослые люди с раскосыми глазами.

— С тобою трудно спорить, так как ты слишком часто бываешь прав. Но через сколько же лет все это произойдет?

— Откуда я знаю! Через десять, двадцать, даже тридцать лет. Чтобы развиваться, Америка нуждается в тумаках. Только в следующий раз, когда мы завязнем в Азии, это будет кошмаром и вся нация окажется растерзанной на части. После такой войны у нас, может быть, появится поколение, не подверженное влиянию этих мифов и культов и способное забыть свои крестьянские предрассудки и преубеждения, поколение, которое переставит все акценты.

Я затаил дыхание. Я почувствовал, что к Пипу возвращается какая-то доля его прежней веры, хотя речь уже шла о том, что не голодающие миллионы будут играть роль в процессе перестановки акцентов, а поколение, свободное от влияния мифов и культов. Это был шаг в прежнем направлении.

— Я ничему не верю,— сказала Моника.— Что бы американцы ни делали, они вечно будут нянчиться с Вашингтоном и Линкольном.

— А тебе и не надо ничему верить,— сказал Пип.— Требуется только подождать, и ты сама увидишь.

— Это то что ты сам делаешь? — спросил я его.

— Пожалуй, да,— ответил он. А Монике сказал, что пора отправляться, если она уже насладилась бездельем.

— А куда вы поедете?

— Не знаю. Дальше вдоль берега, может быть, в Ниццу. Моника ни разу не была там. Или Монако. Хотелось бы посмотреть там старый морской музей принца, который я видел еще мальчишкой. Вы о нас не беспокойтесь. Мы сами о себе позаботимся.

— Вы к обеду будете? — спросила Айлин.

— Нет, мы вернемся только вечером, к ужину. Так что забудьте на время о нас.

Они умчались в своем «рено», и до вечера мы их не видели. Так они уезжали несколько дней подряд. И в одно прекрасное утро, когда они отправились в Ниццу, к нашему дому подкатила Дора Делорме и сообщила, что Лестер Террада находится в пяти минутах езды от нас, на ее вилле, расположенной среди сосен на той стороне мыса, где находится Вилльфранш.

Глава 13

Когда Дора Делорме предложила организовать встречу Пипа с Террадой, у меня сразу появилось желание встать на защиту Пипа. Но когда она ушла, меня вновь охватило сомнение: что-то здесь не так.

— Пипу это ничего хорошего не принесет, — говорил я Айлин. — Лучше не обращать на них внимания.

— Но тебе не стоит вмешиваться. Дора права. Пип должен решать сам. Он ведь всегда может отказаться от встречи.

— К чему омрачать им отдых? Он и Моника явно поладили. Они прекрасно проводят время, забыв обо всем. Мне кажется, что за этим кроется что-то еще.

— Что, например?

— Откуда я знаю? Ясно, что Террада прибыл сюда, за тридевять земель, не для того, чтобы поздороваться с Пипом.

— Ну и что?

— Здесь дело в Джуди, мне кажется. Что она опять придумала?

— Ну уж ты-то ее знаешь лучше, чем я.

— А что толку?

Я все еще был в нерешительности, когда Пип и Моника возвратились из Ниццы. Они выглядели очень счастливыми. Купили себе дешевенькие бамбуковые удочки, готовые лески с поплавками и пакетики с морскими червяками, завернутыми в мокрую газетную бумагу. Оба дурачились и смеялись, предвкушая удовольствие не только от рыбалки на рейде Вильфранша, но и от самого лова: Айлин смогла бы приготовить великолепный суп.

Мы весело поужинали, наши дети (их было уже двое) вели себя благопристойно. Было так хорошо, и мне совсем не хотелось все это испортить.

«Помолчи», — уговаривал я себя, готовый встать на их защиту.

Но в то же время я понимал, что есть нечто более важное, чем удовольствие от рыбной ловли. Поэтому я отвел Монике в сторону и рассказал о том, что предлагала Дора Делорме. У нее сразу же испортилось радужное настроение. Сначала Моника молчала, потом ее как будто бы прорвало, и она свирепо произнесла:

— Почему ты спрашиваешь меня? Спроси его!

— Но ведь я и о тебе думал, — неуверенно ответил я.

— Обо мне никто не думает! — сказала Моника с чувством несвойственного ей самосочувствия. Она так много отдала Пипу, а получила лишь обломки человека, которым он когда-то был. До этого я не ощущала так остро сложившуюся ситуацию, но тут вдруг понял, что Пип еще не окончательно освободился от воспоминаний о своем неудачном браке.

— Ну, ладно, — сказала, мрачно поразмыслив, Моника. — Пусть пойдет, если хочет.

— Ты серьезно?

— Конечно, серьезно. Но сперва мы половим рыбу, а после этого скажи ему.

— Как ты думаешь, он согласится встретиться с Террадой?

Она пожала плечами, как типичная француженка.

— Не знаю! — сказала она с раздражением. — Откуда я знаю?

Но она знала, и я был уверен, что даже одобряла это, потому что относилась к категории женщин, считавших необходимой встречу Пипа с Террадой и Джуди лицом к лицу, чтобы он мог со всем этим покончить, сосредоточиться на своих собственных делах и привести их в порядок.

— Ну, хорошо, — согласился я. — Ничего не скажу ему до вашего возвращения сегодня вечером с рыбалки.

Моника ушла в подавленном состоянии, а я проклинал Терраду. Не столько за то, что он сделал Пипу, сколько за то, что он мог еще сделать.

С рыбалки они возвратились к полуночи. Ведерко моего сына было полно рыбы. Когда все ушли спать, Пип и я сели на кухне с бутылкой черного пива, которую он привез из Парижа. Пип был все еще весел. Он сказал, что рыба в Средиземном море похожа на местных рыбаков:

— Сплошные недомерки, темные и пахнущие йодом. Ты когда-нибудь замечал, — продолжал он, — как природа сглаживает различие между животными и человеком в примитивном обществе?..

Я дал Пипу окончить мысль и после этого сказал о Терраде, Джуди и его почти уже тринадцатилетнем сыне, специально приехавших к Доре Делорме, чтобы повидаться с ним.

Пип внешне никак не прореагировал. У него не перехватило дыхание, ничего нельзя было заметить. Он просто долго и печально смотрел на пустую бутылку из-под пива и сказал спокойно:

— Я знал, что рано или поздно такой день настанет.

— Вовсе не обязательно, чтобы он настал, — сказал я. — Тебе можно и не встречаться с ними.

Будто не расслышав меня, он спросил:

— Как ты думаешь, зачем нужна ему эта встреча?

— А бог его знает! — ответил я.

— Может, он хочет отказаться от своих обвинений? И помочь мне занять достойное место в обществе? — с иронией предположил Пип.

Но где-то в глубине души он, я думаю, на это надеялся. Что касается Джуди — тоже вопрос. Неизвестно, какие эмоции, связанные с ней, рождало его воображение.

— Ладно, Кит, — сухо сказал он. — Эта встреча может быть интересной.

Он ушел наверх спать, но минут через пять, когда я запираю гараж, он вернулся и сказал:

— Но у меня одно условие.

Я понял, что он уже все рассказал Монике.

— Какое именно? — спросил я.

— Вы с Айлин должны присутствовать, и Моника тоже.

— А мы зачем?

Он пожал плечами.

— Просто потому, что мне так будет приятнее.

Я понял: Моника хотела, чтобы как можно больше людей знали обо всем, что произойдет во время этой встречи. Моника была готова драться, но она, как и я, нервничала и ко всему относилась с подозрением.

То же самое испытывала и Айлин, когда узнала от меня о разговоре.

— Если за всем этим скрывается очередная подлость, я Дору Делорме сживу со света. Я спровоцирую ее на что-либо такое, за что ее вышвырнут из Франции!

Вот такая сложилась обстановка. На следующий день я договорился по телефону с Дорой, что в пятницу мы все приедем к ней на ужин, подчеркнув, что любое заявление Террады должно быть сделано в нашем присутствии.

— Лестеру это не понравится, Кит, — сказала Дора. — Джуди тоже.

— Либо так, либо никак.

— О! Ну, ладно. Это будет в пятницу, так что я достану большого морского окуня и приготовлю один из моих знаменитых грибных соусов.

На этот раз я почувствовал себя лучше, потому что наша сторона контролировала положение. Но я не учитывал Джуди.

В пятницу утром мы все завтракали под нашим большим деревом, когда услышали, как автомобиль Доры затормозил на шоссе и умчался. Затем я увидел Джуди с сыном, державшим ее за руку. Моника никогда прежде не видела ее, но инстинктивно поняла, что это, и мы, должно быть, представляли собой мрачную картину, когда следили за ее приближением.

Джуди тоже изменилась. Как и Пип, она словно бы съежилась и чем-то походила на мышь. Но было в ней что-то решительное, когда она шла по дорожке с опущенными глазами: она хотела чего-то и решила добиться. Для этого нужно было обладать храбростью, которая, я думаю, покинула ее в последний момент.

— Здравствуй, Кит,— сказала она нервно, будто именно я должен был принять на себя удар в этой обстановке.

— Здравствуй, Джуди,— ответил я и взглянул на Пипа, который явно растерялся.

— Здравствуй, Пип,— обратилась она к нему.

Наступил неловкий момент: оба не знали, как себя вести. Чмокнуть друг друга в щечку, пожать ли друг другу руки или вообще ничего не делать? Они решили ничего не делать.

— Поздоровайся с отцом,— сказала Джуди, пытаясь высвободить свою руку из цепкой руки сына.

Это прозвучало нелепо и жалко, тем более что мальчик никак не отреагировал на ее слова. Я попытался выйти из неловкого положения и представил Моника Дрейфус.

И тут все засуетились, не зная, куда посадить гостей, а Айлин предложила Джуди кофе.

— Я не люблю французский кофе, но немного выпью...

Почему она сюда приехала? Каждый из нас про себя задавал этот вопрос, и мне было жаль Пипа. Он вежливо спрашивал ее о жизни и здоровье, пытаясь преодолеть неловкость от присутствия сына. Мальчик просто вцепился в свою мать, так что она сказала ему с раздражением:

— Да не цепляйся же ты за меня, Лестер, пойдй сядь на стул!

Правда, потом она извинилась перед ним за это.

Я понял, что настало время оставить их одних. Айлин уже под каким-то предлогом убежала на кухню, но Моника упорно не трогалась с места. Я встал, но Пип чуть ли не в панике остановил меня:

— Не уходи, Кит.

— Я хотела поговорить с тобой наедине, Пип,— сказала Джуди.

— Ну, нет,— промолвил Пип нервно,— все это как-то неловко.

— Но...

Моника не могла больше выдержать. Она вскочила и убежала в дом. Я тоже встал с намерением последовать за ней, но Пип сказал:

— Если ты, Кит, уйдешь, я уйду за тобой.

— Ну, хорошо, хорошо,— проговорила Джуди расстроенным голосом.— Здесь нет ничего особенного. Просто мне надо сказать, Пип, что Лес хочет поговорить с тобой о чем-то важном, и я прошу тебя: будь к нему великодушен.

— Великодушен? (Мне показалось, что в Пипе все вздрогнуло.)
Великодушен? О чем ты говоришь?

— Попытайся его понять,— сказала Джуди.— Вот все, о чем я прошу.

Пип рассмеялся с горечью, а потом спокойно ответил:

— Поди-ка ты к черту!

Джуди сжала губы.

— Но по крайней мере поговори с ним наедине,— умоляла она.—
Без всех посторонних.

Но Пип отрицательно покачал головой.

— Я не хочу рисковать,— сказал он.

— Но почему? Хуже тебе от этого не будет.

— Откуда я знаю?

— Я даю тебе слово.

Пип съежился еще больше.

— И что, я должен считать твое слово гарантией?

Джуди на мгновение прижала к себе сына.

— Поверь,— сказала она,— Лестер не собирается причинять тебе
каких-либо неприятностей.

— В таком случае ему незачем встречаться со мной наедине,—
ответил Пип.

— Но, знаешь...

— Я встречаюсь с вами только в присутствии моих друзей, и не
иначе, Джуди. Это все, что я тебе могу обещать, и нечего устраивать
кутерьму. Я и так поступаю достаточно великодушно.

— Ты ведешь себя неразумно,— резко сказала она, не в состоянии
скрыть недовольствия и все еще веря в силу своего бывшего
авторитета.— Ведь тебе ничего не стоит. Хотя бы это ты можешь
сделать?

— Ты не говори мне, что я могу,— сказал Пип.— Я бы с радостью
отказался от этой встречи. Так что, Джуди, попридержи язык.

Джуди вынула из сумочки платок и вытерла уголки губ. Она взяла
себя в руки и сказала:

— Извини, Пип. Я не хотела указывать, что тебе делать. Я просто
пытаюсь сделать так, как лучше вам обоим.

— Ты беспокойся о Лестере, а о себе я побеспокоюсь сам,— сказал
Пип.

— Хорошо, хорошо, я не настаиваю. Ты хочешь поговорить
с маленьким Лестером?

— И о чем же мне с ним говорить? — почти рывкнул он. Но
я заметил в его глазах выражение тоски. Пип все еще был уязвим,
и особенно в том, что касалось сына.

Мальчик с опущенной головой прижимался к матери, и, казалось,
ему было противно происходящее. Он не смотрел на отца и не
принимал во всем этом никакого участия.

Джуди обиженно пожала плечами. Тут вернулась Моника, и Джуди поняла, что пора прощаться.

— Ты можешь меня отвезти? — спросила она Пипа.

— Нет, он не может, — вступила в разговор Моника.

— Ну, пожалуйста...

— У него нет французских прав, и его вид на жительство уже почти недействителен, потому что у него просрочен паспорт, — язвительно сказала Моника. — Как вы думаете, что будет, если его остановит полиция?

Джуди прикусила нижнюю губу. Но тут я сам предложил ее отвезти. Когда мы ехали в моем «рено», Джуди начала меня расспрашивать о Монике.

— Кто она?

— Это француженка, которую зовут Моника, — сказал я.

— Не иронизируй, Кит. Я задала совершенно нормальный вопрос.

— Извини, но я прекрасно знаю, что Дора Делорме все о ней тебе рассказала.

— Но Дора не так уж много знает. Они женаты или собираются?

— Ты их самих спроси об этом, — ответил я.

— Давно они вместе? Это же можно сказать.

— Насколько мне известно, они знают друг друга два или три года. Это все, что я знаю.

— Она, кажется, боевая?

— Даже очень, — подтвердил я. — За Пипа она стоит горой.

— Это видно, — сказала Джуди.

Она была очень сдержанна, говорила спокойно, будто хотела привлечь меня на свою сторону. Но я был настроен против нее почти так же, как и Пип, если не считать чувства жалости, которое у меня появилось к мальчику, сидевшему на заднем сиденье и внимательно прислушивавшемуся к каждому слову. Это меня сковывало. Я не хотел его обижать, но Джуди следовало поставить на место.

— Чего ты, собственно, добиваешься? — спросил я ее после того, как мы переехали через горку и оказались на дороге к Вилльфраншу.

— Ничего я не добиваюсь, и не груби, — сказала она.

— Что-то за всем этим кроется, Джуди. И я хочу быть уверенным, что встреча Пипу не навредит.

— Ты не имеешь права так говорить! — рассердилась она.

— Не пойму, зачем сводить Пипа и Лестера?

— Это касается меня, Пипа и Лестера. Но не тебя. И не вмешивайся!

— Я буду вмешиваться столько, сколько сочту нужным! — уже разозлившись, ответил я.

Она опять прикусила губу, чтобы в гневе не наговорить мне неприятностей. Переборов себя, она сказала:

— Кит, я прошу тебя, воздержись. Мне самой все это не по душе. Но я должна. Умоляю тебя, не вмешивайся!

— Там будет видно. Но Пипа в обиду я не дам.

Мы подъехали к главным воротам Дориной усадьбы. Я не хотел ехать к самому дому, чтобы не встречаться с Террадой. Я не знал, как с ним здороваться и здороваться ли вообще.

Джуди сидела в машине не двигаясь. А я ждал, что она наконец скажет.

— Пип очень изменился, правда? — спросила она с сожалением, будто Пип не оправдал самых светлых ее надежд.— Как жалко!

Я не выдержал, засмеялся и открыл заднюю дверь для мальчика. Они остались у ворот Дориной виллы, а я уехал домой, не проронив больше ни слова.

Я толком не помню, как мы провели остаток дня. Помню только, с каким облегчением мы в половине восьмого наконец направились к стоявшему на улице «рено». Но когда я открыл дверцу машины, Пип остановился.

— Прости меня, Кит,— сказал он.— Боюсь, что не смогу это вынести.

— Ты что, не поедешь?

— Нет,— подтвердил он.— И пусть катится к черту вся их затея!

Я почувствовал запах аперитива. Глаза Пипа блуждали, хотя он, казалось, смотрел на меня.

Моника дернула его за руку.

— Тебе нельзя было пить,— сказала она.— Но все-таки поедем. Ты ведь обещал Доре.

— Ну и что же? Я отказываюсь от своего обещания.

— Из-за чего? Почему тебе не поехать и не отделаться от всего?

— Ты что, передумала? — спросил он с раздражением, и от него вновь запахло спиртным.— Ты же вчера требовала, чтобы я не ехал. Ты вела себя уж так по-французски. «Никогда, никогда, никогда!»— ведь это твои слова?

— Ну, а сегодня я тебе говорю: иди и узнай, чего они хотят.

— Я догадываюсь, что им нужно. Они хотят посмотреть на то, что осталось от поверженного Ловелла,— рассмеялся Пип.— Но я им такого удовольствия на этот раз не доставлю.

— Ты пьян,— рассердилась Моника.

— Может быть, Лестер хочет стать на четвереньки и попросить у тебя прощения,— сказал я.

Пип стукнул по крышке машины кулаком.

— Неплохая идея, Кит. Ты передай ему, чтобы он сюда пришел это сделать, а я туда не поеду.

— А может, ты все-таки поедешь туда сам и узнаешь, в чем дело? — смягчившись, сказала Моника.

— Да почему я должен разговаривать с этой сволочью? Почему я вообще должен находиться с ним в одной комнате? Не будет этого, мой друг! — произнес он по-французски.

— Ты действительно так решил? — спросил я, когда Айлин уже садилась в машину.

— Да, решил, — ответил Пип. — Я пойду вниз в деревню и спокойно поужинаю там один.

— Ладно, но что я скажу Доре?

— Да ничего, черт возьми! Скажи, что я передумал.

— Ну, как знаешь.

— Тебе противно, да? — спросил Пип, когда я уже включил мотор.

— Вовсе нет. Интересно, что бы ты сделал, если бы не выпил?

Мне было просто жаль его. Я знал, насколько подействовал на поведение Пипа аперитив, но также понимал, что именно появление Джуди и Террады вывело его из равновесия. И я уже видел, что ему придется напрячь все силы, чтобы сдержать проявление своих чувств.

Мы уехали, а он остался, держа в руках кошку, которую снял с капота машины.

Когда мы, мрачные, появились у Доры, Террада и Джуди сидели на террасе и ждали Пипа. Увидев, что его нет, они обменялись тревожными вопрошающими взглядами.

— А где же Пип? — спросила Дора.

— Он передумал, — сказал я.

— Вот негодяй! — произнесла она спокойно, будто ожидала этого.

Я пытался сохранять серьезный вид. Но мне стало смешно, когда мы встретились с Террадой взглядом и даже не обменялись хотя бы легким рукопожатием. Дора, которая, судя по всему, подготовила эту встречу на террасе, положила свою пухлую руку Лестеру на плечо и сказала многозначительно:

— Ничего, Лестер, у нас еще много времени.

Но я в этом не был уверен.

Террада располнел и выглядел каким-то взъерошенным, с лицом в глубоких морщинах, с большими пухлыми руками и в мятой рубашке. Он выглядел и вел себя, как большой преуспевающий политический деятель, что меня удивило, потому что я имел глупость подумать, что Террада будет чувствовать себя неловко в присутствии близкого друга его жены.

Но по нему это было незаметно. Казалось, что он окружен какой-то глухой и прочной оградой, которую ничто не могло пробить.

— Я помню вас...— сказал он мне некоторое время спустя с таким видом, будто обращается к стене.

— Надеюсь, что так,— единственное, что я мог проговорить.

Все в этом доме вращалось вокруг Доры, которая уселась в кресло. Но сегодня Террада стал ее соперником. Вроде бы он никого в отдельности не видел. У него были озабоченные, отрешенные глаза, и слова он произносил в пространство, не обращаясь ни к кому, будто где-то вдали находился тот, кто должен их услышать. Он заполнил своей грузной фигурой большое кресло и начал изрекать мудро и интеллигентно свои мысли о европейской политике, о Де Голле, о Германии, об американском флоте в Средиземном море.

Но это было еще не все.

Я не сводил глаз с Моники и Джуди, потому что они наблюдали друг за другом, и понял, что скоро кто-то из них взорвется. Первая не выдержала Джуди.

— Это вы, наверно, уговорили Пипа не приходить сюда,— сказала она Монике.

Моника держала в руке стакан вермута, что было для нее не совсем обычно, поскольку она не любила пить ни до, ни после ужина. На секунду она перестала разбалтывать лед в стакане, и мне вдруг показалось, что сейчас Моника плеснет вино ей в лицо. Но, к моему удивлению, она спокойно ответила:

— Зачем мне делать такую глупость?

— Потому что вы считаете, вероятно, что его надо защитить от нас.

— Пип сам себя может защитить,— сказала Моника.— Он без меня решает, что ему делать. Он меня о таких вещах не спрашивает.

— Почему же тогда он не пришел?

— Он не хотел видеть вас,— ровным голосом ответила Моника. Оставаясь подчеркнуто спокойной и любезной, она показывала этим американцам, что не доставит им удовольствия видеть, как она сорвется. Но все же она не могла скрыть ноток презрения в своем голосе.

Тут Джуди удивила меня.

— Пожалуйста,— мягко сказала она Монике,— не могли бы вы попросить его поговорить с Лестером?

Я так и не понял, что означал этот тон: то ли Джуди демонстрировала свою воспитанность, то ли просила об одолжении. Но Монике все это не понравилось, и она ответила с раздражением:

— Почему вы обращаетесь ко мне? Я и так уговаривала его сегодня прийти. Я не хочу, чтобы он прятался от вас и от вашего солидного мужа. Если вам необходимо что-то решить, то вы должны встретиться и все выяснить. Я ему так и сказала. И не ждите от меня большего. Это — его дело. Ведь он сам мужчина...

— Джуди, ты не беспокойся. Ведь еще много времени,— опять повторила Дора.

Я подумал, что пока счет в пользу Моника, потому что Джуди встала и вышла из комнаты.

На самом деле она решила пустить в ход последний свой козырь — сына. Она возвратилась вместе с мальчиком, который сразу направился к Терраде и прислонился к его коленям. Террада, не глядя, ласково обнял его своей большой рукой, продолжая разглагольствовать. Моника, вытянув ноги и побалтывая свой коктейль, всматривалась в вечернее небо. Но я думаю, она старалась решить, как отнестись к этой попытке воздействовать на ее чувства с помощью ребенка.

— Положение совсем ненормальное,— говорил Террада. Он имел в виду положение в Италии. А я подумал, что он намекает на ситуацию, сложившуюся между отцом, матерью, ребенком и любовниками. К счастью, повариха Доры мадам Лотта объявила, что через несколько минут будет первое блюдо, и мы уселись за большой белый стол на террасе. Я услышал, как Террада сказал мальчику, что ему пора спать, но тот явно не был намерен слушаться, да никто и не требовал этого.

— Сначала два первых блюда,— объявила Дора, пока мы рассаживались за столом.— А потом мой великолепный громадный морской окунь. Он вот таких размеров,— разведя руки, показала она.

В то время морской окунь считался самой вкусной и дорогой рыбой. Только что пойманного окуня можно было приготовить за десять минут, пока за столом доедали первое блюдо. Мы уже съели половину супа, когда вошла мадам Лотта и спросила у хозяйки, где рыба.

— Я положила ее на лед в ящик около кухни,— сказала Дора.

— Ее там нет.

Дора велела еще раз посмотреть. В конце концов она пошла сама, но рыбы на месте не оказалось. Потом мы все стали искать на террасе, около кухни, в большом заросшем саду, который с одной стороны вообще не был огорожен! Но рыба исчезла бесследно.

— Эти проклятые кошки! — возмутилась Дора.

— Кошка не могла утащить такую большую рыбку,— со слезами на глазах проговорила мадам Лотта.

— Значит, кошка человеческой породы,— громогласно заявила Дора.— Они видели ящик со льдом с той тропинки, по которой ходят.

Ясно, что кто-то из деревни проходил через сосновую рощу и прихватил с собой рыбу. Случай, конечно, нелепый, и мы все покатывались со смеху, особенно Моника, которая была на высоте по сравнению с этими угрюмыми американцами. Получилось так, что Джуди и Террада оказались не в своей тарелке. Они выглядели подобно голым скалам, о которые разбивался всплеск нашего

легкомысленного веселья. Мы их не замечали, и когда мадам Лотта принесла огромное блюдо спагетти, мы встретили его радостными возгласами. Вино лилось рекой, и вечер остался бы очень приятным воспоминанием, если бы он устраивался ради нас. Но это было совсем не так, и потому все пошло впустую.

Расставаясь, Дора сообщила, что завтра она организует один из своих «ужасных» пикников. Она облюбовала укромное местечко на пути к Монте-Карло, куда еще никто не ездил и где при желании можно купаться нагишом.

— Пожалуйста, уговорите Пипа приехать, — шепнула она Монике по-французски. — Я очень вас прошу, Моника.

— Не волнуйтесь, — сказала Моника, не глядя на Джуди. — На этот раз он придет.

— Там великолепное местечко! Сплошные заросли опунций! — прокричала нам вслед Дора, и мы уехали.

Глава 14

Я думаю, Моника поняла к тому времени, что избавиться от семейства Террады будет значительно труднее, чем ей казалось раньше. Сейчас, сообразив, с кем столкнулась, она хотела быть уверенной, что Пип не предстанет перед ними как жертва. Она хотела использовать его самого, чтобы нейтрализовать попытки Джуди спекулировать сыном. Что бы там ни было раньше, в том, каким сейчас стал Пип, — большая заслуга ее, Моники. И она не позволит Пипу проявлять слабость и прятаться, как раньше. На этот раз такого не будет. Сейчас, как никогда, он должен в открытую, без всякой посторонней помощи встретить их, чтобы оправдать хотя бы ее веру в него. Моника хотела показать этим американцам, что не боится за свое произведение.

На следующее утро мы уселись в «рено» и отправились вслед за «пежо» Доры к тому местечку в горах, неподалеку от Монако. Из-за покрывающих холмы опунций место казалось малодоступным. Я знал о нем, так как знал все закоулки между Сен-Жаном и Ментоной. И это Дору огорчило.

Джуди и Террады не было с Дорой. Они вместе с мадам Лоттой, знавшей дорогу, решили ехать в арендованной ими машине. Но маленький Лестер был с Дорой. И я подумал, что в этом проявился расчет Джуди, поскольку все свелось теперь к расчетам.

Мы выгурили из «пежо» еду, напитки, стулья, подушки, зонты и стали спускаться по тропинке к живописному, покрытому галькой скалистому берегу. Но как только мы спустились, Моника, забрав

удочки, ушла, чтобы не встречаться с Джуди и Террадой. Она не хотела опекать Пипа.

Пип остался с мальчиком, которого явно предупредили, чтобы он был вежлив и дружелюбен. Он, подобно Терраде, вел себя с большим достоинством и, казалось, был отрешен от всего.

— А что это такое? — неожиданно обратился он к Пипу.

Пип даже замер от удивления, что мальчик заговорил. Маленький Лестер показал на морской велосипед в нескольких сотнях метров от берега.

— Это сооружение имеет педали, как и велосипед, — сказал Пип.

Выслушав ответ, мальчик снова замолчал. Но Пип не хотел на этом закончить разговор.

— А ты катаешься на велосипеде? — спросил он.

— Нет, я не умею, — последовал ответ.

— А ты когда-нибудь пробовал? — настаивал Пип.

— Нет.

— А ты верхом умеешь ездить?

— Нет.

До сих пор мальчик владел собой и пытался вести себя как следует. Но чем дольше Пип его расспрашивал, тем больше маленький Лестер напоминал мне взрослого Лестера, так как я был уверен, что Террада никогда не катался на велосипеде и не садился в седло.

— А плавать умеешь? — продолжал спрашивать Пип.

— Немного.

— Что же ты тогда умеешь? Играть в теннис?

— Нет. Я играю в шахматы.

— С кем же ты играешь?

— Со своим отцом...

Пип поднял большой камень и с силой швырнул его в море рядом с тем местом, где сидела Моника.

— Я твой отец, — сказал он мальчику.

— Да, я знаю.

— Нам ведь особо не о чем говорить, не так ли? — сказал Пип.

Лестер отрицательно покачал головой, и Пип встал.

— Так давай и не будем, ладно? — сказал он и присоединился к Айлин и Доре, которые занимались хозяйством. Он попросил Дору дать ему штопор, открыл бутылку красного вина и, наполнив стакан, прохаживался по пляжу, с нетерпением поглядывая вверх, на дорогу. На какое-то время мальчик остался один, и он сейчас интересовал меня даже больше, чем сам Пип. Он совершенно спокойно сидел на камне, этот непроницаемый маленький человек, терпеливо ожидая, когда же наступит конец тяжкому испытанию.

Для него оно кончилось, как только он увидел Терраду, Джуди и мадам Лотту, спускающихся по склону. Мы преодолели его совсем

легко, но Террада испытывал затруднения. Джуди держала его за руку и помогала спускаться. И когда маленький Лестер бросился к ним навстречу, Джуди крикнула:

— Нет, нет, Лесси, не мешай, подожди нас внизу!

Мальчик остановился. Мы с Пипом наблюдали, как Террада медленно, с трудом спускается вниз, подобно замороженной птице, ожидающей приближения кобры.

Наконец Террада спустился и вместе с Джуди направился прямо к Пипу, который перекидывал камешек из руки в руку, чтобы обе они были заняты.

— Здравствуй, Пип,— сказал Террада.

— Здравствуй, Лестер,— последовал ответ.

А что еще они могли сказать друг другу? Они не обменялись рукопожатием. Не только руки у Пипа были заняты, но и он сам стоял немного спиной.

Террада никак не мог отдышаться. Он вспотел, и вид у него был болезненный.

— Мне надо присесть,— сказал он, не обращая ни к кому конкретно, и, направившись к небольшому камню, опустился на него, как медведь в цирке.

— Для него этот спуск — большая нагрузка,— сказала Джуди Пипу.

— Да я и сам вижу,— сказал Пип и отвернулся.

Дора крикнула нам, что обед готов.

— Ну как, доберешься, Лестер? — обратилась она к нему.

— Да, со мной все в порядке,— сказал он, и мы все поднялись к месту, где на клетчатой скатерти в идеальном порядке были расставлены тарелки с курицей, холодным мясом, помидорами, хлебом, огурцами, оливками и стояли четыре бутылки красного вина.

— Моника, иди сюда,— позвала Айлин.

— Я еще не кончила ловить рыбу,— отозвалась она.— Когда кончу, приду.

— Твоя холодная курица остывает! — крикнул Пип.

Моника не обращала на него никакого внимания, хотя он явно звал ее на помощь. Пип уже игнорировал Терраду, который, как и прежде, пытался вызвать к себе чувство жалости. Я поймал себя на мысли, что начал за него волноваться, но тут же решил не быть дураком.

Дора, Айлин и мадам Лотта разложили курицу и холодный ростбиф по пластиковым тарелкам, добавив каждому по помидору и куску огурца. Роздали ножи, вилки и стаканы. «Приятного аппетита», — сказала Дора, и мы молча принялись есть, поскольку все ожидали, что разговор за столом должны вести Пип и Террада.

Но они, не проронив ни слова, продолжали есть. И Доре самой пришлось начать беседу. Она рассказала, как нашла этот уголок.

— Я обожаю опунцию. Я кладу ее даже во фруктовые салаты. Однажды, остановившись на холме, чтобы собрать ее немного, я увидела, что это можно сделать без всяких усилий внизу. Я спустилась к самому берегу и плавала здесь совсем голая в полдень, когда вся Франция сидела за обедом.

Я не мог сдерживать смех. Я представлял себе Дору, грузную и обнаженную, погружающуюся в море, и хохотал. Дора все понимала и смеялась вместе со мной. Смеялись, впрочем, и все, кроме мрачного Террады и угрюмого Пипа.

— А я правду говорю,— гремела Дора.— Местные рыбы подумали, что в их водах появилась новая порода кита.

Это послужило разрядкой, и мы стали говорить о миди-юбках, о туристах и продлении курортного сезона, предоставив Пипу и Терраде возможность молча предаться своим мыслям. Пикник вполне удался, и когда все было съедено, Пип снова позвал Моника, как будто знал, что должно произойти. Моника не откликнулась, и Террада встал, обошел всех нас и сел на камень рядом с Пипом. Мне кажется, Террада сам удивился не меньше Пипа, когда выпалил своим зычным голосом:

— Я думаю, настало время, Пип, нам поговорить.

Я видел, как у Пипа напряглась шея и костлявая спина.

— А зачем? — ответил он.— О чем мы можем с тобой говорить, Лестер?

Террада внушительно и глубоко вздохнул.

— Нам следует попытаться прийти к какому-то модус вивенди.

— К чему?

Террада посмотрел вокруг на остальных, будто для нас было просто непорядочно находиться здесь в этот момент, когда он не хотел, чтобы мы присутствовали.

— Ну, я говорю о некотором моральном компромиссе,— сказал он.— Я уверен, ты понимаешь, что я имею в виду.

Пип выдавил из себя короткий смешок.

— Ты имеешь в виду моральный компромисс с моей моралью или моральный компромисс с твоей?

Террада продолжал решительно:

— Мы должны прийти к какой-то форме взаимопонимания, Пип, чтобы мы могли жить в мире с самими собой.

— У меня нет никаких трудностей в этом отношении,— ответил ему Пип.— Это должно быть твоей проблемой, а не моей.

Террада даже не слушал его. Он смотрел в небо и, казалось, обращался к нему.

— Беда в том, что ты и я, мы оба, ввели в заблуждение друг друга многие годы назад, Пип. В этом главная причина наших недоразумений.

— Главная причина, Лестер, в том, что ты объявил меня подрывным элементом в Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Так что не ищи других причин!

Террада помахал примирительно своей большой рукой.

— Нам бы не следовало прибегать к обвинениям в общественных инстанциях, Пип. Это была наша ошибка.

Я едва не взорвался, когда услышал это. Но Пип сдерживал себя и даже сохранил мрачное чувство юмора.

— Неужели ты забыл, Лестер, что не я обвинял тебя, а ты меня? Ты меня загнал в угол. Ты закопал меня.

Террада выглядел удивленным.

— Да, но я думаю, сейчас тебе следовало бы понять, что это было в какой-то мере неизбежно. Таким уж оказался ход развития тех проклятых событий. Я ничего не мог поделать. Все было предрешено, Пип.

На этот раз Пип рассмеялся вовсю.

— Ты просто великолепен! — сказал он настолько иронически-пренебрежительно, что Террада, по моему мнению, должен был обидеться или возмутиться. Террада же не расстроился и не возмутился. Он просто удивился, что Пип не понял его.

— Ты не смог понять Америку, — сказал он. — Ты никогда не хотел понять, что было поставлено на карту.

— Не вини Америку за то, что сделал мне ты, мерзавец! — сказал ему Пип. — По сути дела, если бы я не был приличным и добропорядочным американцем, преданным флагу и конституции и всем первым десяти поправкам, я мог бы простить тебя за все то, что ты мне причинил. Но ты мужик, Лестер, и ничем другим быть не можешь!.. Так что обращайся всегда ко мне, сняв шапку, и не фамильярничай со мной ни при каких обстоятельствах.

Меня вновь удивило то, что Террада намеренно оставался нечувствительным к этим выпадам.

— Я все еще считаю, что мы должны прийти к какому-то духовному взаимопониманию, — настаивал он, в то время как Пип окончательно впал в состояние безнадежного раздражения.

— Ну, хорошо, хорошо, — проговорил Пип. — Давай попробуем понять твои моральные принципы. Только какого рода мораль ты предпочитаешь? Какого понимания ты хочешь?

— Ты бы согласился пожать мою руку, сказать, что все это была не наша вина, и восстановить наши отношения?

У Пипа перехватило дыхание в тот момент. Я даже слышал, как скрипнули его зубы.

- Ты хочешь, чтобы я все забыл?
- Да,— сказал Террада.
- Все, что я пережил?
- Да. Абсолютно все, если ты согласен.

Пип надел очки, как будто ему хотелось рассмотреть Терраду получше.

— Я могу это сделать только в одном случае, Лестер,— сказал он.

Террада ждал. И я тоже. Ждали Айлин, Дора и Джуди. Даже маленький Лестер ждал ответа. Он не пропускал ни одного слова.

— Ты должен заявить, что давал ложные показания, что ты был доносчиком,— произнес Пип спокойно.— Ты должен отречься от всего, что говорил.

Террада был ошеломлен.

— Но я не могу этого сделать,— сказал он.

— Почему же?

— Потому что это невозможно. Я не могу повернуть вспять все, что произошло.

— Тогда чего ты хочешь от меня? — сказал Пип презрительно.— Чтобы я все принял на себя? Признал свою вину?

— Я только хочу, чтобы ты перечеркнул все в личном плане, Пип,— сказал в отчаянии Террада.— Чтобы между нами ничего не было.

Пип рассмеялся и шлепнул по земле рукой, как бы давая понять, что разговор для него окончен.

— Единственное решение для нас возможно лишь с помощью дуэльных правил. Тогда бы я смог убить тебя и сделать из тебя джентльмена.— И он засмеялся опять.

Я не знаю, как бы отреагировал на это Террада, но тут появилась Моника. На мгновение она остановилась, возвышаясь над всеми нами и с отвращением обзревая остатки нашего обильного пиршества. Она перебрала бутылки одну за другой и отбросила их.

— У тебя еще не осталось красного вина, Дора? — спросила она.

— Нет, дорогая,— ответила Дора.— Я купила лучшее шамберти и немного очень хорошего кларета.

— И ты позволяешь себе пить шамберти и кларет во время пикников?

— Да, позволяю,— ответила Дора.

— Ну, хорошо, я не могу,— сказала Моника.— Раз у вас нет красного вина, я пойду и приготовлю себе рыбный суп. Кит, дай мне ключи от дома.

Я дал ей ключи, и, подхватив свое ведро с рыбой, она атлетическим шагом направилась вверх по склону, как сердитая кошка. С полпути она крикнула нам:

— Не провожайте меня. Я доеду на автобусе!

Пип почти не обращал на нее внимания. Он лежал на спине с повернутым к солнцу лицом, стараясь переварить весь разговор. Но Айлин толкнула его, сказав:

— Не лучше ли тебе последовать за Моникой, Пип?

— С ней все в порядке, — ответил он, не вставая. — Она хочет быть одна.

— Она расстроилась.

— Я знаю, что она расстроилась. Именно поэтому я хочу оставить ее одну.

— Но не сейчас, — настаивала Айлин. — Давай, Пип, иди за ней.

— О боже ж мой! — воскликнул Пип и вскочил на ноги. Он побежал за Моникой, которая уже достигла вершины склона.

Террада следил за ним. Затем он вопросительно взглянул на Джуди. Я не знаю, были ли между ними какие-то условные знаки, но Террада, подхватив свои веревочные туфли, босиком ринулся за Пипом, неуклюже спотыкаясь и крича:

— Одну минутку, Пип. Я пойду с тобой!

Я видел их обоих, карабкающихся по склону сквозь заросли опунций. Терраде пришлось остановиться, чтобы надеть туфли. Он был неловок, почти беспомощен.

— Ты бы лучше его остановила, — сказал я Джуди.

— Нет, — сказала она. — По крайней мере это избавит его от необходимости разговаривать с Пипом на виду у всех других.

— Как тебе будет угодно, — сказал я, и мы оба смотрели, как они скрылись за поворотом дороги.

Дора встала и обняла жирной рукой Джуди, которая была вся в слезах.

— Приведем себя в порядок, — сказала она. — Не беспокойся, они вернуться.

Но они не вернулись. «Ужасный» пикник Доры окончился двумя часами позже и лег полностью на мои плечи. Я отнес стулья, коробки, зонтики, удочки вверх к машинам, и мы поехали домой в молчании.

Моника сидела на террасе. Она сказала, что ее подбросили на попутной машине.

— А где же он? — требовательным тоном спросила Моника.

Я сказал, что Пип побежал за нею, а Террада следом. Это значило, что Пип и Террада находятся где-то вместе.

Моника сказала по-французски:

— Глупая безнадежность возвращает этот мир, так зачем мне беспокоиться из-за него?

Глава 15

Волноваться о Пипе мы начали лишь перед ужином. Но мы считали, что они сидят в каком-либо баре или бистро, разговаривая о своих больших и сложных проблемах. Мы знали, что у Доры их нет, так как она звонила и спрашивала, не вернулись ли они. Наконец, сама Дора вместе с Джуди прибыли к нам за новостями. Было почти 10.30 вечера.

— Нет, — сказал я. — От них ни звука.

— Пожалуйста, Кит, поезжай, поищи их, — попросила Джуди.

— Где я их буду искать? Они могут сидеть в одном из тысячи бистро в Монте-Карло, в Ницце или бог знает где.

— Ну, пожалуйста, — просила она.

Тут Дора заявила, что во время обеда они пили вино, и если они хватили лишку, то кто знает, что они могут натворить и чем все кончится.

— Можешь представить себе, какую шумиху поднимут американские газеты, если эту парочку вместе подберут пьяными!

— Представляю, как они разделаются с Лестером, если все выльется наружу, — сказала Дора.

Моника ругнулась по-французски и сказала:

— Если у бога появится наконец здравый смысл, он даст этому произойти.

Но Джуди очень расстроилась.

— Не будьте жестоки, — сказала она. — Ведь в этом нет необходимости.

Моника ушла, с негодованием бросив:

— Оставьте Пипа в покое. Не трогайте его. Если вы тронете его, я с вами разделаюсь!

— Пожалуйста, Кит, — не унималась Джуди, — попробуй найти их.

— Послушай, Джуди, — сказал я ей. — Меня не трогает репутация твоего Лестера, и мне нет нужды спасать его.

— Я бы не просила тебя, — тихо сказала Джуди, — но Лестер не совсем здоров, а пить он никогда не мог. Пожалуйста, Кит.

— Я знаю. Но этим ты, может быть, сможешь оградить Лестера от больших неприятностей.

И опять все то же самое — победитель рассчитывает на помощь своей жертвы.

— Ты только сам не исчезни! — крикнула мне вслед Айлин. — Сразу же привози их обратно.

Я объездил все бары и бистро в Ницце и Вилльфранше и начал понимать, какая ответственность была взвалена на Пипа. Я побывал во всех знакомых мне местах и потом вспомнил, что однажды

в Париже Моника рассказала, как иногда она находила пьяного Пипа на Северном вокзале. Он шел туда специально, чтобы со следующим поездом уехать в Америку. Я стал обыскивать небольшие станции и действительно нашел их на платформе станции Вилльфранш, возвышающейся над одним из самых красивых заливов мира. У них шел пьяный спор о папе римском.

Была полночь. Увидев меня, они заявили, что я должен ехать с ними. В 12.30 прибудет поезд из Ментоны, следующий в Марсель. Оттуда на лайнере «Андреа Дореа» они собирались плыть домой, в Нью-Йорк.

— Не то место здесь, Кит,— говорил Пип, сердито размахивая руками в сторсну восхитительно красивого неба, распростершегося над синевой залива под нами.— Не то место, стар...рина.

— Ты прав,— сказал я.— Так что давай пойдем отсюда.

Террада мрачно молчал, но Пип был оживлен и в агрессивном настроении.

— Нужно ехать домой, Кит, старина. Здесь нет места для верноподданного американца, как я.

— Это правда. Вот и поехали сейчас домой.

Пип обнял меня и сказал:

— Мы ждем поезд с минуты на минуту. Тебе надо тоже поехать с нами. Ты должен проследить, чтобы со мной не сыграли злую шутку. Они это могут, Кит.

— Я все об этом знаю.

— Нет, ты не знаешь, о чем говоришь. Ты там не был.

— Там не был, но я здесь, и сейчас время ехать домой.

— Этого не будет! — агрессивно выпалил Пип.— Ты не обманешь меня!

— Я не собираюсь тебя обманывать. Я хочу, чтобы ты отправился домой. Моника очень беспокоится о тебе. Также и Джуди.

— Ха-ха!

Я слышал шум приближающегося поезда. Это шел экспресс, который явно должен был промчатся мимо маленькой станции дальше к Ницце. Пип его не услышал. Но Террада встал с деревянной скамейки и поплелся к краю платформы. Я схватил его сзади, но он меня оттолкнул. Я попросил Пипа помочь и услышал в ответ:

— Оставь этого подонка. Он убегает от Джуди.

Но тут Пип тоже услышал поезд и так же, как Террада, направился к краю платформы. Я схватил и того и другого под руку и держал, пока старый паровоз, трясясь и вздрагивая, не прошел мимо. После этого я их отпустил.

— Теперь я не могу уехать домой, Кит,— сказал Пип.— Пропустил чертов поезд.

— Ничего страшного,— ответил я.— Завтра будет другой. Ты можешь поймать марсельский.

— Врешь!

— Пошли домой. Уже поздно, и все это мне надоело.

Террада крепко спал, прислонившись к красной каменной стене, покрытой густыми кустами расцветающей бугенвиллеи.

— Не засыпай,— попросил я, поддерживая покачивающегося и шаркающего ногами Пипа. Я думал, что делать с Террадой. Тут Пип царственным жестом поднял руку и с силой толкнул Терраду в грудь.

— Ты знаешь, что может спасти этого голубого мерзавца?

— Знаю. Возвращение к Джуди.

— Единственно, что может спасти этого великого американца,— сказал Пип, дубая Терраду по мощной груди,— это прощение. Полное и абсолютное отпущение грехов. Но я, старина, просто не могу этого сделать, потому что я не папа римский. Меня бесполезно просить. Я ему говорю, что этого нельзя сделать без папской буллы. А он говорит, что это совсем не обязательно. Я не могу дать ему отпущение, как бы он ни просил. Только святой мог бы это сделать!

— Хорошо, Пип. Мы напишем папе римскому, только давай увезем Лестера, потому что сегодня больше поездов не будет.

— Так и быть, я тебе помогу,— великодушно откликнулся Пип.— Ведь это мне ничего не стоит.

Тут он с силой схватил Терраду за рубашку, встряхнул его, порвав при этом ворот, и сказал:

— Продукция «Сирс Робак».

Вдвоем мы кое-как доволокли Терраду до машины. Всего лишь дважды разбудив, мы закинули его на переднее сиденье. Он проснулся еще раз, когда Пип стал петь гимн «Германия превыше всего», и сказал, что это национальный гимн Богемии.

— Ты не можешь этого отрицать!— прогремел Террада.— Не можешь!

На этом все кончилось. Они уже оба спали, когда я передал Лестера в руки измученной Джуди. Она даже не могла его поддерживать. Я хотел было помочь, но тут Дора схватила его и чуть ли не на руках внесла в дом.

— Я хочу поговорить с тобой,— сказала Джуди, когда я сел в свой «рено».— Мне нужно кое-что тебе объяснить.

— Объяснять тут нечего,— ответил я.— Лестер пьян, вот и все.

— Но ведь, как правило, он не пьет. А мне надо объяснить тебе другое.

И в этот момент Пип вдруг распахнул заднюю дверцу машины и, ткнув в Джуди пальцем, сказал:

— Ха, ха... Он ушел, и ты его больше никогда не увидишь. Он дождался своего поезда до Чикаго. И он сказал, что никогда не захочет

тебя видеть снова. Он мне сам так сказал, хотя звучит это чертовски жестоко. Так что больше ты его никогда не увидишь. Бог забрал Лестера...

Я втолкнул Пипа в машину и тут же уехал, опасаясь, чтобы он снова не вылез. Когда мы вернулись на виллу, он уже спал. С помощью Моники мне сравнительно легко удалось раздеть его и уложить в кровать.

Когда я ей рассказывал о том, что происходило на станции, Моника сказала:

— А ведь в один прекрасный день он действительно сядет на поезд, и пусть это будет ему уроком.

Она спросила, не говорил ли Пип что-нибудь о своей жене и о ее муже.

— Ничего особенного, — ответил я. — Все это была пьяная болтовня.

— Он не говорил, что произошло между ним и Террадой?

— Ничего вразумительного. Тебе самой придется у него спросить.

— Если он пошел у них на поводу, я его убью. Я убью его.

Она не стала спать вместе с ним. От него несло вином.

— Я лягу в детской, — сказала она. И Айлин приготовила ей постель в углу комнаты. Когда мы оставляли Пипа, он улыбался во сне, как человек, у которого нет никаких забот. Айлин очень хотела узнать, что произошло. Я ответил, что ничего. И сразу же отправился в кровать, чтобы она не подумала, что я от нее что-то скрываю. Я ведь и в самом деле не знал, что между ними произошло, и не стал даже спрашивать об этом Пипа, когда он, весь надломленный, спустился к завтраку. Но Пип, дрожащей рукой поднеся чашку кофе к губам, спросил:

— Как тебе удалось увезти нас со станции, Кит?

— Ведь ты сам помог мне дотащить Лестера до машины.

— А я не упал?

— Нет.

— А ты там была? — обратился он к Монике.

— Слава богу, нет. Я тебя ждала, как маленькая терпеливая американская домашняя хозяйка.

— Насколько я помню, так оно и было. Я просто хотел уточнить.

Интересно, что еще удержала память Пипа? Я решил, что помнил он достаточно много. Террада же явно ничего не помнил, так как в одиннадцать к нам явилась Джуди. Она сообщила, что в три часа дня они уезжают в Париж.

— Находиться вдалеке от дома для него слишком опасно, — сказала она. — Ты можешь еще приехать и повидаться с ним, Пип. Я оставила его в постели. Он неважно себя чувствует.

Пип отрицательно покачал головой.

— Он не помнит, что было вчера ночью. Он не уверен... Ты все с ним уладил?

Я считал, что Пип помнил, что он говорил и чего не говорил. Но он себя не выдавал.

— Ну что, уладил? Да не будь таким! Ты ведь знаешь, что с ним, не так ли?

— Да.

— В таком случае ты понимаешь, как важно ему заполучить твою дружбу, Пип. Так будь же великодушен.

Я не знал, о чем она говорит, но Пип знал.

— Я всегда был настолько великодушен, насколько мог,— сказал Пип. И добавил с огромным достоинством:—...в связи с обстоятельствами.

— Хорошо, хорошо,— попросила Джуди,— скажи ему только, что ты его простил. Видишь, Пип, я говорю с тобой откровенно.

— Я уже сказал, что ему нужно. Прощение Лестеру может дать только тот, кто выше меня. Ему нужен священник, Джуди. Тот, кто может отпустить ему все грехи.

— Но он по-прежнему верит, что правильно поступил, Пип. Он не может себя изменить.

— Я тоже не могу себя изменить,— сказал Пип.

— В таком случае согласись, что вы смотрите на вещи по-разному и что он должен был поступить так, как он поступил.

— Все это дерьмо!— отрезал Пип, и лицо его посерело.

— Если ты хоть в чем-нибудь не пойдешь ему навстречу, ты будешь его настоящим палачом,— заявила Джуди.

— Вам бы лучше уйти отсюда,— сказала Моника.

— Я еще не кончила,— ответила Джуди.

Мы сидели под нашим большим лавровым деревом, прислушиваясь к хору цикад.

— Я приеду проводить его на станцию,— сказал Пип.

Перед уходом Джуди пожала ему руку.

Теперь все мы с ужасом ждали прощания. Пип, казалось, физически готовил себя к тому, чтобы найти мужество сделать то, о чем его просили. Он один пошел на прогулку, принял холодный душ, надел чесучовую летнюю рубашку и отутюжил льняные брюки. Пип немного поспал и, когда мы отправлялись на станцию, выглядел спортивно подтянутым.

На этот раз он сказал Монике, что поедет один. Но она тут же заявила, что мы поедем все вместе. Я тоже на этом настоял. Пип передернул плечами и сказал:

— Хорошо. Только не вмешивайтесь.

— В таком случае не строй из себя дурака! — резко сказала Моника.

В три часа двадцать минут мы все стояли под высокой прохладной крышей вокзала в Ницце. Мы приехали первыми, но через несколько минут с багажом гостей и носильщиками прибыла Дора, а уже за ней появился совсем неспортивный, большой и помятый Террада вместе с Джуди и маленьким Лестером. Все мы чувствовали себя неловко и с нетерпением ожидали поезда. Он стоял на этой станции лишь несколько минут, так что все надо было обговорить заранее.

Пип вел себя с нами очень весело и благодушно. Казалось, наконец он обрел свое душевное спокойствие. Террада же походил на человека, который должен был занять очень важный и трудный пост. Мы просто стояли и ждали. Джуди крепко держала маленького Лестера за руку, чтобы он не убежал к Терраде, и рассеянно разговаривала с нами. Потом мы услышали приближающийся поезд.

В это время Террада стоял в нескольких шагах от нас, и я слышал, как Джуди подавленным голосом просила Пипа:

— Пожалуйста, Пип, всего лишь одно слово!

Я видел, что на Пипа, как и прежде, стали давить — супруги Террады знали, как и в какой момент на него можно воздействовать. Они рассчитывали на его врожденную культуру, благородство, щедрость, чувство сострадания, которое так глубоко могут испытывать американцы. Я видел, что все это начало действовать на него.

Я подавал ему сигналы глазами: «Только не поддавайся. Не сейчас, Пип. Не уступай им, ради бога!»

Но Пип не воспринял мой сигнал, и по тому, как он потупил свой взор, я понял, что Террады, неизвестно каким образом, все же одержали верх.

Я отвернулся. Я ничего не хотел ни видеть, ни слышать. Но тут Джуди, чувствуя, что она побеждает, решила закрепить свою победу. И в этом была ее ошибка.

— Ты поступаешь правильно, — сказала она Пипу. — Ведь Лестеру надо возвращаться в ту Америку, частью которой он является. И он не может сейчас идти ни на какой риск.

Это была роковая ошибка. Я увидел, как Пип выставил вперед свой свежевыбритый подбородок, будто этот его спортивно-аристократический вид мог иметь какое-либо значение. И он с удивительным облегчением вдруг проговорил:

— Когда-нибудь, Джуди, я возвращусь в ту Америку, к которой принадлежу я. И что же тогда будет?

Джуди ждала его дальнейших слов. Но ничего не последовало.

— Это все, что ты можешь мне сказать? — крикнула она.

— Абсолютно все, — ответил он, и, как бы не доверяя себе, обратился к Терраде и сказал насколько мог жестко: — Прощай, Лестер, прощай, старик.

Поезд пришел. Террада в состоянии полной прострации повернулся и ушел в вагон, не попрощавшись ни с кем. По лицу Джуди текли слезы. А Пип сказал тем же равнодушным тоном:

— Прощай, Джуди, прощай, маленький Лесс.

Он поцеловал сына и помог ему подняться вслед за багажом. После того, как вошла Джуди, тяжелые двери вагона захлопнулись, и поезд тронулся. На мгновение их лица промелькнули в окне. Я никогда не забуду опухшие глаза Террады, вглядывающегося беспомощно в те пугающие горизонты, за которыми скрывалось нечто.

— Бедняга умирает от рака,— сказал Пип.— Ему осталось жить лишь несколько месяцев.

— Боже мой, так вот в чем дело!

— Да. Но это не играет никакой роли, Кит. Ведь совершенно никакой. Верно, Кит?

И тогда я понял, что Пип действительно выдержал испытание. Он не только перенес позор и муку изгнания. Он переборол призывы к его американскому патриотизму, в основе которых лежало требование предать свои собственные принципы. Он даже пережил это. И мне кажется, он теперь знал, что полностью восстановил свое достоинство гражданина Америки.

Что касается меня, то я с восхищением смотрел на него и впервые за долгое-долгое время почувствовал, что для Америки есть надежда на будущее.

Джеймс ОЛДРИДЖ

ПРОЩАЙ, НЕ ТА АМЕРИКА

Редактор **М. М. Жигалова**

Технический редактор **О. Н. Ласточкина**

Сдано в набор 23.05.83. Подписано к печати 25.07.83. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Учетно-изд. л. 3,96. Тираж 100 000 экз. Изд. № 1888. Зак. № 807. Цена 40 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва А-137,
ул. «Правды», 24.

ЛОТЕРЕЯ «СПОРТЛОТО»

● Свыше 200 спортивных сооружений построены и реконструированы с участием средств, вырученных от продажи билетов спортивно-числовой лотереи «Спортлото». Сотни тысяч человек получили возможность систематически заниматься физкультурой и спортом, укреплять свое здоровье в немалой степени благодаря помощи спортивной лотереи.

● Тиражи лотереи «Спортлото» проводятся по субботам. В них разыгрываются денежные суммы от трех до 10 000 рублей. Каждый билет играет двумя вариантами (комбинациями) номеров и является выигравшим, если с результатами тиража совпадут не менее трех номеров в одном из вариантов.

● Все билеты бестиражные. Их можно заполнить на любой тираж года и даже на несколько тиражей вперед.

ЖЕЛАЕМ УДАЧИ!

**Главное управление спортивных лотерей
Спорткомитета СССР**